

An impressionistic painting of a village street. The scene is dominated by a large, reddish-brown wooden building on the left, with a window and a door. A dirt path leads from the foreground towards the building. In the background, there are green trees and a glimpse of a blue sky. The style is characterized by visible brushstrokes and a focus on light and color.

Собеседование, или Место в строю

18+

Екимов Валерий

Валерий Петрович Екимов

Собеседование, или Место в строю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69422068

SelfPub; 2023

Аннотация

Повесть: «Собеседование, или Место в строю» это ещё одна забытая во времени весёлая (и не очень) история-былинка о судьбах-мытарствах, преодолении, становлении вчерашних курсантов (молодых офицеров) и их семей (молоденьких девчонок-жён), волей случая попавших в начале 90-х годов прошлого века, в эпоху незабываемой "Перестройки", под сокращение штата, в безвременье...

Валерий Екимов

Собеседование, или Место в строю

Начало девяностых.

Середина июля, недели, четверг.

Пятнадцать минут до конца рабочего дня.

Старинный прошлого века особняк до революционной постройки где-то на песочной набережной широченной реки в центре современного мегаполиса, в котором располагается головной офис крупного, если не сказать, на тот момент крупнейшего государственного учреждения региона.

Кабинет одного из руководителей, курирующего работу филиала учреждения по Пригородному району крупного промышленного города:

– А скажите, пожалуйста, вы давно уволились... из армии?..

– С флота!..

– С флота?

– Так точно, из рядов военно-морского флота!

– Поня-атно?!.. – с пониманием тянет по всему видать опытный немолодой руководитель, с неподдельным интересом разглядывая своего нового собеседника. – А есть в этом какая-то существенная разница?

– Конечно! – с жаром выдыхает невысокий паренёк, лет двадцати пяти-семи, упрямо тряхнув густой смоляной челкой непослушно спадающей ему на лоб.

– Вы так считаете?

– Так точно!.. – сверкает глазами. – Когда армия, а точнее то, что сотворила с ней незабвенная Перестройка, добралась до флота, тогда собственно от него самого, точнее – морской службы в нём, ничего не осталось.

– Поня-атно, – снова с пониманием доброжелательно тянет несколько тучный улыбчивый круглолицый руководитель. – Но что-то, видимо, появилось?

– Что?

– Ну, если морская служба, как вы говорите, на флоте прекратилась, – с хитринкой в прищуренных глазах лукаво кивает необычному посетителю, – то, видимо, что-то пришло ей взамен?

– Ничего хорошего, – вздохнув, успокаивается паренёк, – началось банальное сокращение ненужных на взгляд армейцев затратных материальных средств, прежде всего кораблей и их экипажей, на содержание которых требуются огромные расходы, которых вдруг в одночасье в бюджете армии не нашлось.

– И вы?..

– И я был сокращён вместе со своим дивизионом кораблей полтора года назад.

– Понятно: попали под сокращение.

– Так точно, попал!

– И вам, молодому специалисту, ничего не предложили взамен?

– Ну, почему ж ничего?.. Кое-что предложили.

– И что же?

– Переехать в другой гарнизон, чтобы там продолжить плановое сокращение других, как бы устаревших и никому теперь ненужных, кораблей.

– И вы?

– Отказался.

– Почему?.. Раз уж командованием была поставлена такая необычная задача, то вы, как никто другой, понимая её последствия, могли выполнить её правильно, с умом, минимизировав на ваш взгляд потери от неё.

– Видите ли, участвовать... в этой, – смотрит, задумавшись в окно, – чудовищной ошибке, а изменить что-то, доказать, не было никакой возможности, я дальше не смог. И вообще, – вскидывает подбородок, – как говорится, ломать – не строить, но по мне лучше начать всё сначала, пусть даже с полного нуля или даже минуса, чем собственными руками уничтожить то, что дорого и близко.

– И тогда вы решили...

– Вот именно: и тогда мы с женой решили вернуться обратно в родной город по месту призыва.

– Ясно! – почему-то радуется круглолицый хозяин кабинета, глядя на своего необычного гостя, стажера, приехавше-

го к нему на собеседование по просьбе одного из директоров районных филиалов их учреждения для утверждения на вышестоящую должность. – Но, скажите мне, пожалуйста, э-э-э, – тянет, заглядывая в лежащую перед ним на столе массивную папку личного дела.

– Стариков... Валерий Феликсович, – догадавшись, по военному коротко и чётко представляется тот, – старший лейтенант запаса, ныне состою в должности электромонтера четвертого разряда в Пригородном филиале, представляюсь по случаю выдвижения меня на должность старшего диспетчера центрального пульта района.

– Да-да, Стариков!.. – отрывает взгляд от бумаг. – А, скажите мне, как давно вы уже состоите в этой должности... электромонтера?

– Второй год.

– Вот как! – вскидывает брови. – Получается, что после увольнения из рядов вооружённых сил, то есть, – поправляется, – военно-морского флота, вы сразу пришли к нам в Пригородный филиал, найдя, так сказать, своё новое место в строю.

– Так точно, можно сказать, сразу... – слегка помедлив, выдыхает офицер запаса, задумавшись.

Нужно ли ему здесь, на этом, безусловно, очень важном для него собеседование, от которого зависит его возможное назначение на новую весьма ответственную должность, говорить о своих полутора годовых мытарствах по различным

структурам, ведомствам и службам незнакомой ему пока в сущности отрасли... на тот момент ещё народного хозяйства? Надо ли вообще вспоминать о тех перипетиях, барьерах, препонах, свалившихся на него вдруг после увольнения в запас и принятия этого непростого на самом деле решения о поиске нового места в, так называемом, строю?

Да, потерять свой строй, чтобы мы там не понимали под этим определением: работа, друг, страна, семья – очень легко, а вот найти его вновь или, что гораздо сложнее, вернуть обратно, очень непросто – отряд не заметит потери бойца, боец же почувствует близость конца – но понимание этой простой истины приходит... не сразу, да и не всем.

...Как это было у него?

Помнится, после вынужденной почти полугодовой бездельности, подработка охранником в ожидании приказа об увольнении не считается, в первый же день своего возвращения в родной город Стариков отправился в ближайший отдел милиции в поисках работы.

– Так вы-ы, значит, офицер запаса? – не столько спрашивая, сколько утверждая, скучающим голосом выдал ему тогда на обращение полный неповоротливый офицер с нескончаемым до самой макушки лбом.

– Так точно, – продолжил бодро рапортовать отставник, – сегодня прибыл с семьёй по месту призыва и...

– И-и-и... сразу к нам, – ехидно улыбаясь, перебил его, по

всему видать, бывалый майор.

– Так точно.

– Квартиры нет, с пропиской полная неразбериха, – продолжил констатировать, – паспорт на стадии получения.

– Ну, как вам сказать, – несколько погрузнев, отозвался Феликс, – жилья, действительно, нет, но на очередь должны поставить, на паспорт документы сдал, прописку дают временную... на год.

– Понятно, а почему к нам, не куда-нибудь в порт, либо на производство, в коммерцию?

– Понимаете, служба в погонах как-то понятней, ближе, что ли, – оживает, – к тому ж последние полгода на флоте, когда мою должность сократили, а приказ об увольнении никак не приходил, пришлось немного поработать в местном отделе милиции по месту расположения части.

– Вот как? – удивился майор. – В каком качестве?

– В качестве сторожа.

– Ин-те-рес-но, – протянул по слогам.

– Там для обеспечения охраны особо важных объектов региона – время не спокойное стало! – был образован какой-то специальный кооператив, куда по временным договорам принимали исключительно действующих офицеров.

– С кораблей?

– Не только: были и армейские, и милицейские, и даже прокурорские сотрудники

– Неплохо, – заблестели глаза у повидавшего всякое офи-

цера. – И как же это им удалось организовать?

– Не знаю, – пожал плечами Стариков. – Этого мне не говорили, да я не спрашивал, но платили прилично.

– Сколько?

– Почти в полтора раза больше, чем денежное содержание командира корабля.

– Да уж, – вскинул брови майор. – Желающих, видно, было хоть отбавляй!

– Так точно.

– Что ж, рад за вас... и за них, – почему-то вдруг расстроился и даже рассердился. – У нас такого кооператива нет и, вряд ли, будет! И вообще, сейчас у нас в отделе вакансий нет и, в ближайшее время, не предвидится.

После чего майор, отвлекшись на чьё-то очередное обращение к себе, отвернулся от Старикова и, мгновенно забыв о разговоре с ним, двинулся куда-то дальше, что-то объясняя и размахивая на ходу своими пухлыми руками. А Феликс ещё пять минут назад уверенный в том, что его обязательно возьмут везде и всюду, куда б он только ни обратился со своим, как ему казалось до сих пор, очень нужным богатым четырехлетним опытом руководящей работы, неожиданно впервые в жизни растерялся.

Что же... делать?

Оказывается здесь, на «гражданке» можно остаться не удел по простой причине банального отсутствия вакантных мест на закрывающихся предприятиях и учреждениях горо-

да. И вот теперь, провожая майора ошарашенным опустошённым взглядом, он остался стоять с этим неожиданным открытием посреди многолюдной улицы перед зданием отдела милиции.

Что делать?

Что?

Впрочем, не так уж нов был ему уже тогда этот классический ключевой вопрос, особенно в связке с другим – кто виноват? – таким же извечным и неновым спутником нашей жизни. Но додумать его, точнее их, тогда ему, к счастью, не довелось, ввиду случившейся новой неожиданной встречи буквально лоб в лоб с высоким жизнерадостным сержантом, вышедшим как раз в этот момент из отдела милиции.

– Тезка, ты ли это? – буквально вскрикнул тот от восторга и, забыв все правила приличия человека в форме, заключил Старикова в свои необъятные объятия. – Какими судьбами?.. Откуда?

– А-а-а... вы, товарищ сержант? – глупо моргая глазами, и медленно приходя в себя, лепетал новоиспечённый безработный. – Как?.. Откуда?

– Да я-то понятно! – не обратив внимания на его замешательство, гремел на всю улицу широкоплечий богатырь, в котором лишь открытая улыбка и еле заметные веснушки у глаз выдавали некогда до боли знакомое лицо. – После возвращения из армии уже третий год, как работаю здесь, в милиции. А вот ты откуда вдруг нам свалился? – шумел он, на

радостях легко отрывая своего друга детства от земли и потряхивая в своих могучих ручищах.

– Вав-ка?.. – наконец, признав его, выдохнул и Феликс. – Валерка, Боже ж ты мой, как ты изменился.

Польщённый друг торжественно снял фуражку и, вытянувшись в струнку, отчего стал ещё длиннее и выше, неторопливо провёл широкой ладонью воображаемую линию от своей макушки над головой друга.

– Ну что, кто теперь самый маленький среди нас? – по-детски открыто засмеялся он.

– Да уж, – забыв о своих неприятностях, а заодно и о прохожих, сослуживцах Вавки, столпившихся вокруг них поодаль, наконец-то весело и задорно рассмеялся и Стариков. – Теперь точно не ты!.. Видимо Толстый, давно его, кстати, не видел.

– Да у него-то всё в полном порядке, похудел только, во-все теперь и не толсты, работы, говорит, много, он же где-то у отца в строительстве главным инженером трудится, – рассказывал сержант. – Но всё-таки, всё-таки, какими судьбами тебя-то сюда, к нам занесло? Ты же, говорили, всё время в морях и походах, командир корабля, что ли.

– В прошлом, друг, всё ныне в прошлом, – нарочито бодро ответил Феликс. – А сюда, в отдел милиции, я насчёт работы заходил.

– Какой ещё... работы?.. Для кого?

– Для себя.

– Зачем это?

– Старший лейтенант запаса Стариков три дня назад приказом Министра обороны сокращен из рядов вооружённых сил, – по-военному чётко выпалил отставник. – А сегодня вместе с семьёй: женой, дочкой и сыном прибыл в родной город по месту призыва для дальнейшего проживания и трудоустройства.

– Ух ты!..

– И вот теперь, – продолжил, – как ты сам понимаешь, готов приступить к работе на новом месте, а кроме как управлять кораблями и водить личный состав по плацу строем меня за семь лет обучения в военных училищах и четыре года службы ничему другому не научили. Вот я подумал...

– Податься в родственные структуры, – искренне улыбнулся ему друг.

– Точно так!

– Да, уж... – задумчиво покачал головой Валерка, – ничего не скажешь: учили-учили, а потом раз... и сократили, отправив на произвол судьбы куда подальше с глаз долой за ненужностью.

– Такова жизнь, друг! – усмехается офицер запаса в ответ.

– Да неужто во всём военно-морском флоте для молодого специалиста не нашлось места?

– Ну, почему ж не нашлось? – пожал плечами. – Кое-что, конечно, нашлось.

– И что же?

– Бросить семью в чужом городе и отправиться к новому месту службы... в неизвестном направлении в ожидании там нового сокращения, а затем снова отправиться...

– Понятно, и ты?..

– И я... отказался.

– Вот и правильно сделал.

– Надеюсь, – невесело вздохнул Феликс.

– Не просто было принимать решение?..

– А сам-то, как думаешь?

– Догадываюсь, – сочувственно заглянул ему в глаза Вавка. – И личное дело, наверно, испортили?

– А вот и нет, не смогли, хотя и были отдельные выдающиеся личности.

– Как так?

– Да долго рассказывать, пришлось над этим сильно потрудиться.

– Это очень хорошо, – снова задумчиво кивнул, – это сильно упростит задачу.

– Какую ещё задачу? – удивлённо вскинул брови Стариков.

– В порт не ходи, – не ответив, по-деловому выдал сержант, – там бесполезно, там, как и везде, идут массовые сокращения, всех рыбаков уже разогнали, капитаны без дела на пособиях сидят.

– Как же так?

– А вот так, говорят, что рыбу теперь дешевле купить за

бугром, чем наловить здесь, а скандинавы сейчас её сюда вообще в виде гуманитарной помощи бесплатно тащат.

– Так они ж не дураки, чтоб просто так это делать, – с жаром выдыхает отставник, – они ж её за тем и везут, чтоб наши колхозы разорить.

– Да это-то и ежу понятно.

– Так куда ж они смотрят?

– А что они могут, у нас же Перестройка, – горько усмеяется сержант в ответ, – ты ж сам на себе уже всё прочувствовал.

– Прочувствовал.

– Вот и не падай духом, – хлопнул друга по плечу, – всё в наших руках.

– Что значит в наших?

– А то и значит, – загадочно улыбается, – раз личное дело в порядке, то ни один придирчивый кадровик не сможет отказать нам в назначении на должность, при условии, если у нас будет правильная на то протекция.

– Ты это о ком?

– О своём соседе, он, насколько мне известно, руководитель главного диспетчерского Центра анализа и контроля при нашей районной администрации. Думаю, это именно то, что тебе надо, я с ним обязательно сегодня же вечером поговорю...

Надо ли ему теперь, на этом, безусловно, очень важном

для себя собеседовании в Главке крупного, если не сказать, на тот момент крупнейшего государственного учреждения региона рассказывать, как уже три дня спустя со дня своего возвращения в родной город он обегал все местные государственные конторки и ведомства. Как, вымотанный пустыми беседами с их начальниками отделов кадров и ни на что уже не надеясь, отправился, наконец, на устроенное другом собеседование с руководителем какого-то диспетчерского Центра при районной администрации.

...

– Так это вы тот самый офицер запаса, желающий вернуться на службу, о котором мне все уши прожужжал мой беспокойный сосед Валерка? – устало глядя сквозь Старикова, скороговоркой проронил немолодой невысокий аккуратно одетый мужчина, глядя на него сверху вниз.

– Так точно, – тут же отрапортовал тот, ловко повернувшись на одинокий звук живо грохнувшей за спиной массивной двери наверху высокого каменного крыльца безликого не первой свежести двухэтажного казённого дома без вывески на малолюдной улице, где он в условленный час оказался, ожидая его...

Какими словами, теперь, спустя почти два года с тех дней, может он поведать, пусть и приветливому, но незнакомому сотруднику Главка, о той непроглядной безысходности и

невыносимой неторопливости незнакомой ему гражданской жизни, обрушившейся тогда вдруг на него во всей своей красе. О том, как ему пришлось с удивлением узнать все писанные и неписанные её правила и порядки, главным из которых, на тот момент, оказался хорошо известный и ненавистный ему принцип ленивого корабельного боцмана: «Не спеши приступать к исполнению приказа сегодня, глядишь, завтра оно уже и не понадобится...».

...

– Это хорошо, – бойко спустившись по давно требующей капитального ремонта лестнице, улыбнулся незнакомец, – очень хорошо. А, скажите, какое образование и профессиональные навыки у вас имеются, кем вы служили...

Такой подход к делу для него, последние четыре года жизни привыкшего быстро и чётко принимать и исполнять решения в сложной, подчас невыносимо опасной обстановке на боевом посту, означал лишь одно – полную потерю ориентиров, пространства и выбранного курса...

...

– Восемь лет средней школы №429 в нашем городке, два года Ленинградского Нахимовского училища, пять лет в высшем командном военно-морском училище, – не задумываясь, по-военному коротко и чётко перечислил Стариков, –

после которого четыре года служил на Балтике в должностях командира корабля и офицера штаба...

Стариков точно знал, что в любой, даже, казалось бы, совершенно безвыходной ситуации всегда есть выход, даже если его и невидно теперь, нужно лишь не останавливаясь идти дальше, вперёд однажды правильно выбранным курсом. А в правильности своего выбора он никогда не сомневался и никогда ни о чем не жалел, вот и тогда он точно знал, что его место только в строю своих единомышленников и никак иначе. В конце-то концов, он же ни какая-то там обласканная судьбой кисельная барышня, впервые в жизни столкнувшаяся с прозой жизни, чтобы начать в том обвинять всех и вся вокруг, клеймя попутно позором и свою несчастную Судьбу, попавшую не в то время и место.

...

– Что ж, будем знакомы, товарищ командир, – на удивление внимательно выслушав молодого незнакомого паренька, протянул уважительно руку мужчина и также по-военному коротко и чётко представился ему в ответ, – начальник диспетчерского центра анализа и контроля при администрации Пригородного района Едонец Павел Сергеевич.

– Очень приятно, – крепко пожал руку тот, приязненно улыбнувшись ему.

– Вот только, – искренне вздохнул Павел Сергеевич, –

предложить-то мне вам, к сожалению, пока совершенно нечего: свободных вакансий, достойных вашего опыта и уровня работы сейчас на моём Пульте действительно нет. Да и в головном аппарате, насколько мне известно, тоже штат полностью укомплектован, да и, вообще, у нас в конторе как-то не принято принимать отставников, они обычно увольняются по достижению предельного возраста или по другим... дискредитирующим причинам – заглянул в глаза. – А вас, кстати, по какой статье уволили?..

Отрицая и отплёвываясь от окружающей нас действительности, мы лишь отказываемся от себя в ней, вместо того, чтобы попытаться изменить её, улучшить, прогнуть под себя, изменившись, в том числе сообразно времени и месту самому, ни в коем случае не изменив, при этом, себе, своей сущности.

Времена не бывают лёгкими, они всегда одинаково непростые, особенно когда обращаешься к ним, так сказать, прямо теперь из... «здесь и сейчас». А если эта аксиома кому-то вдруг видится сомнительной, то рассматриваемый им временной ракурс попал в редкую счастливую точку беспечного блаженства его сердца... плоти.

Кто знает, может именно поэтому, наша душа... сознание, так любит витать в прекрасном светлом завтра или, оглядываясь назад, грезить старым добрым вчера, сломя голову, убегая в них от вечно беспросветного сегодня. Но, что инте-

ресно, наше «доброе вчера»... ещё вчера, равно как, и «прекрасное завтра»... уже завтра, были и будут такими же невыразительными в моменте нахождения их сегодня.

...

– По статье сокращения штатов, – уверенно кивнул отставник.

– Хорошая статья, есть шанс, – почему-то обрадовался начальник пульта, поведав, что вообще-то в следующем году у них ожидается расширение штата в связи с вводом в эксплуатацию новой телефонной станции, а, следовательно, и зоны охвата их Центра в двадцать третьем квартале. – Работы, правда, будет очень много, – честно признался он, проникнувшись симпатией к странному пареньку, – но попробовать походатайствовать перед Главком о назначении вас на должность старшего дежурного по району будет, видимо, возможно, если вы к тому моменту уже будете нашим штатным техником пульта.

– Я готов, – не моргнув глазом, тут же отозвался Стариков.

– Вот и ладушки, – радостно хлопнул его по плечу Едонев и, доверительно по-приятельски перейдя на «ты», поведал, – так для всех станешь своим, а значит и шансов на положительный результат у тебя для назначения будет много больше, ни один кадровик не вспомнит, что вы бывший армейский отставник...

Впрочем, если хорошенько подумать, это наше сегодня, действительно, как в песне поётся, лишь «призрачный миг», постоянно безудержно ускользающий во вчера, стремясь при этом умчаться в завтра. И, на самом-то деле, нам ведь ничего не стоит просто немного повременить замечать беспросветность сегодняшнего времени, чтобы сразу перейти к восхищению его непредсказуемой неслучайной случайностью завтра с одновременным неизменно надёжным добрым вчера. Почему добрым? Так ведь если было вчера, значит, случилось и сегодня, а это хорошая новость.

Но всё же, всё же, как бы хотелось научиться выносить эту «хорошую новость» именно сегодня, прямо сейчас, а не вчера, которым оно станет когда-то потом, завтра, ведь это сермяжная правда, непреложная истина, что именно она... он, этот «призрачный миг», и есть наша земная жизнь.

И что характерно – другой у нас здесь... уже не будет!

Давно известно, что убегая от своей Судьбы, мы лишь становимся на Путь к ней. Тут важно уразуметь, что чем быстрее мы, действительно всё это поймём, тем быстрее обретём внутренний покой и... уверенность в себе. Ведь мы, на самом деле, не то, что думают о нас окружающие, а те, кем сами себя считаем. Никто и никогда не способен изменить в нас нашей истиной сущности, какие бы враждебные обстоятельства вдруг не свалились на наши головы.

– Флотский, – машинально беззлобно поправил Феликс...

И пусть его, Старикова, здесь, дома, в родном городе с его богатым, как он считал, опытом работы никто и не ждал, он всё равно не изменит себе, будет упрямо двигаться выбранным курсом назло обстоятельствам в поисках рядов единомышленников.

И, что характерно, не только он, все они, эти наиболее ответственные и хорошо образованные бывшие офицеры и прочие служивые сословия некогда «великой и необъятной» страны, в начале девяностых, ещё лишь первым робким ручейком потянувшиеся из, так называемых, братских республик ближнего зарубежья домой, обязательно найдут здесь своё место. Странно только, как могло случиться так, что до сих пор хватает глупости у кого-то усомниться в необходимости безоговорочно принимать их обратно, сюда, в нашу, несомненно, общую возрождающуюся из пепла и небытия «неодолимую и прекрасную» страну, Родину. Нужно принимать немедленно... без разбора, каких-либо условий и испытаний, не боясь ошибиться и промахнуться. И непросто принять, но и обустроить, не допустив их мытарств по нескончаемому бюрократическому равнодушию, порождённому обыденной безыдейностью и рутинной непроглядностью выдуманных кем-то там чуждых человеческой сущности «прав и свобод» без личностных личностей, лишённых исторических ценностей и обязанностей своего государства.

...

– Да без разницы, – также машинально махнул рукой Павел Сергеевич, с удовольствием потирая руки от пришедшей ему вдруг идеи заполучить, во-первых, добросовестного техника на низкооплачиваемую должность, а, во-вторых, в перспективе и хорошо подготовленного руководителя целой дежурной сменой крупного Пульта...

И пусть среди них, принятых в наш общий дом граждан, безусловно, найдутся и недостойные этого высокого звания, но вызовы времени и безудержный неизменный бег нашей общей славной истории в них в одном плавильном котле выровняет и поставит всех в один ряд единомышленников, дав новые светлые направления и ориентиры.

Так в чём же дело?

Смешно подумать, но ручеек тот не только не иссякает до сих пор, спустя почти тридцать лет с тех поистине «окаянных дней», а лишь возрастает, пополняясь уже не столько бывшими согражданами Советского Союза, сколько их детьми и нашими новыми единомышленниками, коих количество там, за Бугром растёт год от года.

...

– Есть! – не зная, радоваться ли ему или огорчаться такому обороту событий, привычно коротко кивнул отставник. –

Когда писать заявление?..

И, Боже мой, как бы хотелось, чтобы они, эти направления и ориентиры наконец-то снова появились у нас в одном общем и понятном лозунге для всех, типа: «...За правду В бой до полного торжества победы...» или «...сила в единстве равных...», или «...максимально возможную справедливость здесь и сейчас...», или «...равноценность прав и обязанностей личности и государству...»!.. Ну, или совсем по-простому и на прежний понятный лад: «К борьбе за правое дело процветания нашей общей и единой Родины, будь готов!..», с понятным откликом в конце.

Эх, как бы хотелось, придумать и принять их на каком-нибудь общем голосовании, референдуме всех-всех нас, граждан «великой и необъятной», да и не только её, может быть и вообще всех желающих людей Мира говорить и мыслить с нами на одном общечеловеческом, поистине интернациональном, принимающим в себя все наречия мира, русском языке.

...

– Заявление?.. – удивился начальник Пульта. – Сделаем так: оставьте мне свой домашний номер телефона, а я, как только решу все формальности с вакансией электромонтера пульта, сообщу, куда нужно подъехать...

Как бы хотелось объявить их, эти идеи и цели четко и ясно, громко и отчетливо, не прячась за многочисленными дипломатическими оговорками, постулатами и увёртками.

...

– Есть! – снова по-военному коротко, с едва уловимым отчаяньем, отчеканил Стариков, окончательно убедившись, что никто и нигде, нигде и никто, будь он трижды распрекрасным специалистом, не ждёт его с распростертыми объятиями для приема на работу...

Впрочем, им, офицерам всех родов войск и прочим служащим сословий – и бывшим, и действующим, и будущим – и так хорошо ясны и понятны все эти идеи и цели нашего неизменно единого глубинного государства, что живёт в нас, чтоб с ним не приключилось... ныне и присно и во веки веков. За них они, да и все мы в подавляющем своем большинстве, готовы «...каждый миг идти на бой», и тянутся они в нас из самого нутра, глубины, с рождения, а то и раньше, с того самого важного, сокровенного, которое, как в песне, «...в любых испытаниях, у нас никому не отнять!...».

Так чего ж тут ждать и рассусоливать, когда и так всё понятно?

Как не крути, всем нам нужен свой, пусть никому и не понятный строй.

А раз так, то надо действовать.

Время пришло!..

Вот и Стариков и не стал ждать «у моря погоды», он привык действовать, идти прямо к намеченной цели, не теряя время зря.

...

– А нельзя ли мне приступить к работе уже теперь, сразу, прямо сейчас? – выдал он, не задумываясь, Едонецу в лоб.

– Как это... прямо сейчас?.. – озадачено протянул тот. – Вы же с семьей, мне говорили, буквально только что, неделю назад, что ли, переехали сюда, нужно время на обустройство семьи, регистрацию, получение нужных документов.

– Так точно, три дня назад, – выдохнул отставник, – и вот уже, как два дня, все формальности улажены, документы получены...

Много позже и он, конечно, оценит и даже, может быть, примет простые житейские женские мудрости, сказанные ему как-то малышкой-женой в тот период о том, что «... прямая – всего лишь кратчайшее расстояние между двумя неприятностями...», но это будет потом, много позже, а пока, пока – только вперёд.

Только вперёд!

...

– Готов приступить к исполнению обязанностей немедленно.

ленно, – уверенно поставил он точку, пытливо глядя в глаза начальника пульта.

– Что ж, здорово, лихо это у вас вышло, – удивлённо кивнул тот. – И "Трудовая книжка" с собой?

– Трудовая?.. – несколько растерялся отставник.

– Ну, трудовая книжка.

– У меня её нет, – тяжело вздохнул, – я ж после увольнения ещё нигде толком не работал, разве только подрабатывал по трудовым договорам, а у нас на флоте никаких книжек не оформляют, не положено.

– Дела-а!.. – озадачено почесал затылок Едонев. – Наши кадровые службы этого не любят, могут заартачиться. Прямо и не знаю, что мне с тобой делать, – с неподдельной жалостью посмотрел он на взъерошенного паренька с живым горящим взглядом. – Впрочем, нет, – оживился, – если не возражаешь, конечно, то прямо сейчас могу порекомендовать к устройству в кооператив.

– К-кооператив? – от удивления, запнулся Стариков. – К-какой кооператив?

– Строительно-монтажный, – заулыбался Павел Сергеевич пришедшей ему на ум неожиданной идеи. – По монтажу и ремонту слаботочных линий передач, там и Трудовую книжку сделают и трудовой договор заключат.

– А-а-а кем?.. На какую должность, то есть?

– Ну, думаю, для начала электромонтером по монтажу 4-го разряда.

– Есть! – не зная, как реагировать на это предложение, снова смутился отставник. – То есть, понял! Но, видите ли, – неуверенно продолжил, – мне никогда не доводилось заниматься ни строительными, ни монтажными работами, боюсь, что эта ответственная должность может оказаться мне не по зубам.

– Справишься, – беспечно махнул рукой Павел Сергеевич. – Ничего там такого сложного нет: нужно просто провода по стенам развешивать, да различного рода приборы в нужные места крепить. Вам доводилось разбирать электро схемы, планировочные чертежи, пользоваться молотком, отвёрткой, дрелью?

– Дрелью?.. – совсем стушевался Феликс. – Не пробовал.

– Не пробовал?

– Нет.

– И ничего на стенах не крепил?

– Нет, – грустно вздохнул, – как-то не случалось на флоте этим заниматься, на кораблях железные переборки.

– А дома?

– Дома?.. – нервно передернул плечами. – Дома доводилось бывать преимущественно ночью, да и то... нечасто... фрагментально.

– И планировочных чертежей на кораблях, я так понимаю, тоже не было.

– Планировочных?.. – окончательно отчаявшись, задумался. – Пожалуй, в штурманской рубке планировочных, то

есть, географических... карт, хоть отбавляй, – пошутил.

– Вот... и отлично, – по своему, видно, оценив шутку, тут же кивнул Едонец и, помедлив, что-то прикидывая в голове, добавил. – Я попрошу Славку Игнатова, техника нашего Пульта, взять над тобой шефство. Мне кажется, вы найдете общий язык.

– Так точно, – искренне обрадовался бывший боевой офицер. – Спасибо, – с жаром двумя руками пожав протянутую руку улыбающегося начальника, – я не подведу...

А и, правда, надо ли ему теперь, на этом судьбоносном собеседовании рассказывать, как гулко по всему подъезду старой довоенной постройке пятиэтажки, куда по определённом адресу отправил его начальник пульта, разлеталось эхо его доклада в проём не сразу открывшейся на звонок двери одной из квартир первого этажа.

...

– Здравия желаю, прибыл по направлению Павла Сергеевича для трудоустройства электромонтёром четвёртого разряда, – сходу, не раздумывая, выдал он тогда.

– Хорошо-хорошо, – несколько раздражённо отозвался из темноты голос едва различимого контура весьма тучного мужчины, – проходите прямо в приёмную, не разуваясь, у нас ремонт.

– Есть, – снова звонко выстрелил Стариков, входя в остав-

ленную ему открытую входную дверь. – То есть, понял, – поправился уже внутри, помотав головой, скрывая смущение.

– Вон туда... к начальнику отдела кадров, – уплывая куда-то по направлению кухни, прогудел здоровяк, махнув рукой в сторону единственной открытой двери в пространстве прихожей.

Закрыв за собой входную дверь на массивную щеколду, и чуть оглядевшись в темноте длинного, как оказалось, коридора, тесно заставленного какими-то плохо различимыми коробками, Стариков наощупь двинулся на свет.

– Добрый день, – постучав на всякий случай по косяку открытой двери, сказал он, осторожно заглядывая вовнутрь. – Разрешите войти?

– Да-да, входите и... подождите пару минут, пожалуйста, пока я закончу, – не поднимая головы из-за странного со всех сторон утыканного проводами и антеннами сооружения, рассеяно откликнулась дама, слегка качнув огромными во всё лицо очками, не останавливаясь, продолжая глухо щелкать по клавишам какого-то, видимо, печатного устройства.

– Есть, – привычно коротко отозвался Стариков, – то есть, понял, – снова негромко поправился и, присев в дальний угол комнаты на покосившийся стул, огляделся по сторонам.

На давно небелёном потолке в массивной по всему видать старинной шести рожковой люстре, тускло тлели лишь две пыльные лампочки-сороковки. Зато с двух сторон от стола в

современных под хрусталь стеклянных светильниках-бра, на скорую руку закреплённых на голые без обоев стены, пылали мощные стоваттные лампы. Из шкафа на незнакомый звук в комнате высунулась любопытная морда смешного мохнатого щенка, который, увидев незнакомца, беззлобно твякнул в его сторону. Черная гладкошерстная кошка неопределённой породы, приподняв ухо, продолжила беспечно дремать посреди пышного нового плюшевого пледа, на скорую руку брошенного на старый повывавший виды диван. Плотно задвинутые тяжёлые шторы за спиной дамы-кадровички заметно прогнули солидный из современных материалов под бронзу карниз, угрожая неминуемо рухнуть на пол в любой момент.

Одним словом, давно, по-видимому, начатый здесь в штаб-квартире директора кооператива «Ремстройналадка» ремонт... несколько затянулся. Но хозяевам он, кажется, совсем не мешал, напротив, придавал неказистому в целом жилому помещению некоторый нежилой шарм новомодного делового офиса-конторы в стиле «Барнхауса», ну или, если угодно, «Ловд», из входящих тогда в моду импортных блокбастеров на экранах безмерно расплодившихся везде и всюду вместо кинотеатров видео салонов.

– Татьяна Владимировна, можно вас не минутку, – прервал её рабочий ритм взволнованный мужской голос из глубины квартиры.

– Олег Федорович, я занята, – не поднимая головы, парировала дама. – У меня отчет в налоговую... горит.

– Будьте добры, отвлекься и проследовать на кухню.

– Мне некогда, – лишь слегка приподняв из своего бруст-вера нос, снова беспечно отмахнулась дама. – Если я ошибусь, получим... штраф.

– Да какой, к лешему, штраф?.. У тебя тут Машка вся кашей измазалась, а Сашка, компот с плиты опрокинул, – сменив официальный тон директора, неожиданно капризно взвизгнул на всю квартиру раздосадованный хозяин дома.

– Как опрокинул? – гулко шлёпая босыми ногами по давно немытому полу, тут же выскочила из своего «блиндажа» дама. – Ах ты, растяпа, – не менее гулко взвизгнула, – куда смотрел, там же кипяток.

Пёс, увлеченный новым событием, с весёлым лаем бросился вслед за хозяйкой прочь из комнаты, а неопределённой породы кошка, спросонья зашипев и прыгнув наугад куда-то в сторону окна, в итоге повисла под потолком на, и без того, неподъёмной для современного хлипкого карниза шторы. Благородная перекладина последнего от потрясения закономерно хрустнула и, не выдержав, с грохотом повалилась вместе занавесками прямо на рабочий стол кадровички-главбухши, сбросив по пути истеричку на пол. Та, в свою очередь, с обиженными воплями и шипением также бросилась вон вслед за псом и хозяйкой из комнаты. В этот момент в коридоре неожиданно требовательно зазвонил звонок, приводя затянувшееся происшествие к некоторому осмыслению... и концу. Противно щелкнула щеколда, скрипнули петли вход-

ной двери, и в коридоре притихшей квартиры-офиса опасно прогудел низкий бас незнакомца:

– Что за крик, а драки... нет?..

– Дядя Олег, что-то стряслось? – тут же вслед за ним слышался испуганный ломающийся голос подростка

– Да ничего, стряслось, всё нормально, – отозвался раздражённый голос хозяина, – небольшое происшествие на кухне, идите в комнату, ну, то есть, в приемную.

– Господин Маркизов, да у вас тут – Садом и Гоморра!.. – входя в кабинет импровизированного офиса, иронично пробасил в сторону коридора крупный статный мужчина, почему-то вдруг оказавшийся в форме капитана первого ранга.

– Ну, во-о-от, – виновато протянул молодой, лет двадцати – двадцати двух, белокурый паренёк, заходя вслед за ним в комнату, – я же предупреждал, что этот карниз срочно нужно менять.

– Олег Федорович, да послушайте ж вы, наконец, своего мастера участка и возьмите кого-нибудь из монтажников для ремонта квартиры, – снисходительно выдал в сторону коридора первый, – выпишите им премию и пусть немного поработает на благо офиса компании.

– Да кого, кого брать-то, Ким Иванович? – суетливо вбежав в комнату, выпалил директор. – Вы ж сами видите, что все наши работники на месяц вперед по объектам расписаны. И так без выходных и проходных пашем, – разводит руками и, мельком глянув на упавшую штору, капризно бро-

сил в сторону коридора, – нужно просто выкинуть этот хлам вместе к чертовой матери!

– Я тебе выкину, – тут же появилась и запыхавшаяся кадровичка-главбухша, – сам тогда на своем доисторическом чуде-компьютере, где на экране монитора одни блики от дневного света только и видны, будешь и кадровый и бухгалтерский учёт вести, отчёты готовить.

– Так вы, Татьяна Владимировна, вечером, вечером работайте на нём, – украдкой хихикнул статный мужчина. – Так сказать, во вторую смену... по совместительству, когда детей спать уложите.

– Вы бы лучше сами, Ким Иванович, вечером, по совместительству во вторую смену работали, – не растерявшись, парировала женщина. – А то, как ни послушаешь ваших клиентов, диву даешься, и когда вы только лекции на кафедре читать успеваете?

– А что тут такого? – обиженно прогудел солидный. – На кафедре я на ставке: от забора и до обеда, так сказать, а у вас в Кооперативе на сделке по конечному результату в свободное от кафедры время. Всё на законных основаниях: одно другому не мешает, никакого конфликта интересов.

– Ким Иванович, у нас многостаночник, – лукаво подмигнул ей молодой, – прямо по форме с кафедры между лекциями на объекты к клиентам для заключения договоров ходит, попутно и умные беседы о последних достижениях науки и техники, клиенты от такого сошествоия с ученых помостов

прямо к ним в шоке.

– Вот и отлично, что в шоке, – взметнул мохнатые брови учёный-договорник. – Что тут такого... непонятного? Нужно ж как-то, дорогой наш товарищ мастер участка, как-то твои ляпы перед ними забалтывать, а в форме это даже сподручней выходит.

– Это ж, какие такие... ляпы? – обижено вскинулся белокурый.

– Как какие?.. А сроки?.. Вечно ты к назначенным датам не успеваешь, вот и приходится из-за тебя клиентов завтраками кормить.

– Это ж где я срываю? – испуганно жмет плечами молодой. – Когда?

– Да вон хотя б на часовом заводе, – победно улыбается договорник, – уж как неделя после полученной нами предоплаты прошла, а ты туда до сих пор даже не заехал, вот-вот директор жалобу в администрацию накатает.

– Ну, так ведь некого мне сейчас туда послать, некого, – сердито развел руками мастер. – Все бригады заняты, ни одной пары рук свободной нет. Вы же сами всё знаете?

– Да я-то знаю, да только клиента это моё знание несколько не волнует, его интересует конечный результат, а не наши с тобой трудности со специалистами, – монотонно, словно на лекции продолжил гнуть своё статный. – Ты вместо того чтоб оправдываться, прояви лучше смекалку, возьми, к примеру, да сними одного монтера с какого-нибудь другого объекта

и направь его туда, пусть пока подготовительные работы делает, да глаза собственникам мозолит, чтоб у них ненужные мысли не возникали.

– Да нельзя же, нельзя так делать! Сколько можно говорить, что одного электромонтёра на объект направлять не разрешается, – капризно проскрипел паренёк. – Если с ним, не дай Бог, там что-нибудь приключится, обязательно должен быть напарник, который окажет первую медицинскую помощь, сообщит куда следует и вообще...

– Я тебя, Славка, умоляю – да что с ним там, на слаботочке, да ещё на подготовительных работах, может приключиться? – не дав договорит, саркастически хмыкнул Ким Иванович.

– Ну-у, не знаю что, всякое!?!.. – беспомощно глянул в сторону директора мастер. – Так меня дядя Олег учил.

– Правильно и учил, – по-деловому кивнул хозяин. – На объекте всё что угодно может случиться: сверло в шальную жилу попадёт, стремянка опору потеряет, да просто – плохо вдруг станет человеку в рабочее время, и тогда обязательно приедет трудовая инспекция, комиссия для проверки всех обстоятельств происшедшего и, если что не так, то мало никому не покажется.

– А ты-то откуда это знаешь? – с интересом и невольным уважением уставился на директора профессор-договорник. – Ты ж вроде б в монтаже никогда не промышлял раньше.

– Здрасти, пожалуйста, – развел руками господин Маркизов. – Я ж в студенческие годы на городских стройках, дай Бог каждому, сколько похалтурил. Да и в администрации, кстати, тоже, будучи инженером Пульта, чего, только не делал.

– Стоп!.. А это кто тут у нас... в гостях?.. – заметив в углу комнаты Старикова, начальственным голосом прогудел капитан первого ранга.

– Это?.. – от неожиданности опешил тот. – Ах да! – обрадовался, вспомнив, – это же от Павла Сергеевича к нам новый перспективный работник, армейский офицер запаса, пришёл трудоустроиваться.

– Флотский, – машинально поправил Феликс, вставая со своего стула.

– Да без разницы, – также машинально парировал директор с удовольствием, как и Едонец накануне, потирая руки от пришедшей ему вдруг на ум гениальной мысли: во-первых, закрыть производственную брешь, а, во-вторых, тем самым отделаться от нудного профессора по поводу срыва договорных сроков. – Вот вас-то, дорогой наш господин перспективный работник, мы как раз и направим завтра на часовой завод...

– Есть, – снова привычно коротко выстрелил отставник, – то есть, понял, – негромко поправился.

– Скажите, уважаемый, а вы на флоте, в каких должностях и званиях пребывали? – продолжил допытываться капитан

первого ранга.

– Старший лейтенант запаса Стариков, – уверено доложил отставник, – служил в должностях командиром рейдового тральщика и офицера штаба. . .

– У-у-у, – не дав договорить, иронично протянул профессор, – по специальности какого-нибудь вооружения корабля или того хуже – штурмана.

– Так точно, – сверкнули глаза Феликса, – почти.

– Да с таким профилем работы, не то, что самостоятельно на объект посылать, – в сторону господина Маркизова пробасил погонный договорник, – в подмастерье не к каждому бригадиру ставить следует, а тут такой ответственный объект.

– У меня в дипломе, товарищ капитан первого ранга, – не выдержал флотский, – по гражданской специальности записана квалификация инженера-электротехника.

– Да знаю я ваши инженерные квалификации в командных ВУЗах, – безнадежно махнул рукой солидный, – там вам всё что угодно могут записать, это же не значит, что. . .

– А ведь это идея!.. – неожиданно вступила в разговор хозяйка дома Татьяна Владимировка. – Его можно оформить инженером, правда, пока без опыта работы, на низшую ставку без категории.

– Да зачем мне ещё один инженер? – капризно скривился молодой мастер. – Мне вон, – глянул в сторону Кима Ивановича, – и одного руководителя на окладе вполне хватает. . .

– Нет-нет, ни в коем случае, никаких окладов, – прервал дискуссию директор. – Оформляй электромонтером четвертого разряда, – кивнул своему кадровому сотруднику-жене, – на сделку. А ты, Вячеслав... э-э-э Владимирович, – это он уже мастеру, – формируй новую бригаду на часовой завод, а его туда ставь учеником.

– Из кого формируй-то? – снова занял мастер. – К кому учеником?.. Все опытные бригадиры и монтеры расписаны по объектам и бригадам на месяц вперед.

– Из кого хочешь из того и формируй, это не моя забота, хотя, стоп, – вдруг улыбнулся своим мыслям, – а бригадиром к нему оформляй Славку Игнатова.

– Да неужто Павел Сергеевич своего лучшего специалиста так просто на халтуру отпустит? – удивлённо вскинул брови молодой. – Он же его, как зеницу ока, бережёт.

– Да и сам Игнатов не согласится ученика себе на шею вешать, – вставил свои пять копеек профессор-договорник.

– А это, братцы, уже не наши с вами проблемы, – парировал директор. – Тут пусть Едонев сам со своими кадрами разбирается, в конце-то концов, это его была идея. А вы, – это он уже отставнику, – сейчас же, как только Татьяна Владимировна закончит оформление ваших документов, езжайте с нашим мастером на склад, получайте материал, проектную и конструкторскую документацию и заезжайте на объект, часовой завод.

– Понял, – безэмоционально, не понимая, радоваться ль

или огорчаться такому обороту событий, коротко кивнул отставник.

– А ты, – повернулся директор в сторону племянника, – господин мастер, не забудь провести инструктаж по технике безопасности и всё остальное... объяснить господину армейскому, то есть флотскому... отставнику.

– Погодите, тут нужно ещё... – начал, было, Ким Иванович.

– Всё!.. – твердо прервал его директор. – Ничего больше не нужно, остальное всё на потом!.. А вы, – это он снова Старикову, – просто появитесь на объекте, помаячите там недельку другую перед персоналом, походите туда-сюда с умным видом, пока остальные бригады немного освободятся, а уж там... мы чего-нибудь придумаем.

– Понял, – снова коротко и с едва уловимым отчаяньем выстрелил бывший командир корабля, в очередной раз, отогнав от себя навязчивую неприятную мысль...

Ничего не попишешь, никто и нигде, нигде и никто... и никого, в общем-то, не ждёт с распростертыми объятьями, ненужно обманываться в этом, как бы кого до этого понимания не баловала жизнь.

Каждый из нас должен суметь сам справиться со своими возникшими обстоятельствами, по-другому в жизни не бывает: «Лишь тот достоин счастья и свободы, кто каждый день за них идёт на бой».

Так было, так есть... и так будет.

И это, пожалуй, справедливо...

...

– Вот и ладошки, вперёд, – хлопнув пухлыми ладошками, дежурно улыбнулся директор, убегая куда-то внутрь своего немного необычного офиса-квартиры.

– Ну, что ж, пошли, – неохотно кивнул отставнику мастер Славик.

– Посмотрим-посмотрим, – пророчески проворчал профессор-договорник, капризно покачивая головой.

– Оставьте свой паспорт на столе, – равнодушно бросила, убегая вслед за директором, кадровик-бухгалтер. – Завтра загляните к нам подписать договор и принесите с собой две фотографии три на четыре для удостоверения и личного дела...

Эх, какой смысл сейчас, спустя почти два года, вспоминать, как в этих новых непонятных, а главное, неправильных, как казалось Старикову, обстоятельствах, он делал те свои первые неуверенные шаги?

Много воды утекло с тех окаянных дней, многое забылось и виделось теперь совсем по-другому: каким-то мелким, незначительным, неважным, что ли. Так и что теперь говорить про это, куда как важней смотреть дальше, вперёд, в будущее.

...

– Здравствуйте, разрешите войти, – по-военному громко выкрикнул Феликс, заглянув в кабинет заведующей, как значилось на табличке входной двери, отдела сбыта. – Меня направили к вам для выполнения работ в соответствии с договором, заключённым вашим заводом с нашим строительно-монтажным кооперативом «Ремстройналадка».

– Ой, здравствуйте, здравствуйте! – похоже, искренне обрадовалась немолодая статная женщина. – Давно, очень давно ждём... вас, – нарочито укоризненно покачала головой, – понимаете, – затараторила, заспешила, – вся документация на изделия нашего часового завода, теперь хранится прямо здесь, у нас в отделе. Неожиданно сократили практически все непроизводственные службы предприятия, склады, даже целиком первый отдел, говорят – оптимизация, вот нам в отделе срочно и понадобилась ваша сигнализация.

– Есть!.. – негромко выдохнул недавний отставник, а ныне электромонтёр 4-го разряда слаботочных линий связи и электрооборудования, держа в руках два увесистых баула монтажного оборудования, – ну-у, то есть, понял, – тут же поправился. – Сделаем всё в лучшем виде, не переживайте, скажите только где у вас в отделе временно разместить мои инструменты и приборы.

– А вещи кладите прямо здесь, в моем кабинете у окна, – показала на дальний свободный угол помещения, – у меня

не пропадут и, если что нужно будет ещё, говорите, не стесняйтесь, мы все окажем полное содействие.

– Спасибо, – коротко отозвался монтер, тут же отправившись со знанием дела располагаться у окна.

– А на вас, кстати, если не ошибаюсь, рабочая корабельная форма: тужурка-мичманка?

– Точно так, – сухо кивнул в ответ. – Откуда знаете?

– Да у меня муж капитан третьего ранга в нашем военно-морском училище начальником курса служит, – улыбнулась дама. – А откуда она у вас?

– Откуда-откуда? – невесело пробормотал вчерашний отставник. – Оттуда, вестимо! Откуда же ещё?

– И всё же?

– С корабля, конечно.

– А-а-а!.. Так вы бывший боцман, мичман в запасе?!

– Почти... командир корабля 4-го ранга, старший лейтенант запаса, – представился почти по уставу.

– Вас уволили? – округлила глаза заведующая. – За что? –глянула строго, придиричиво. – За пьянку?

– Почему ж это сразу... за пьянку? – нахмурился монтажник. – Сам ушел... по сокращению штата.

– Как это сам?.. – очень удивилась дама. – По какому ещё сокращению, да к тому же в монтажники?

– Монтаж – это временно, – отрезал бывший командир, невольно сверкнув глазами, – нужно с чего-то начинать, вот и приходится учиться, ведь наш военный диплом, оказыва-

ется, для гражданской жизни никуда не годится...

– Как это не годится? – перебив, искренне возмутилась дама. – Пришли б к нам, на завод, хотя б простым инженером.

– Да был я у вас на заводе, был!.. Всё, как и везде: вакансий ноль, сокращения идут по всем направлениям и службам. Да вы, кстати, и сами это только что подтвердили.

– Подтвердила?!.. – растерялась. – Но как же вы теперь? – вдруг смягчился голос. – После стольких лет...

– Как и все! – не дав договорить очевидное, веско проронил Стариков. – А прошедшие годы даром не прошли, не Боги горшки обжигают, с кораблём когда-то совладал, справлюсь как-нибудь и с этим, да и не время теперь от работы бегать, скоро, таких как я здесь тысячи, десятки тысяч будут, похоже, грядут масштабные сокращения... и не только военных, кстати.

– Не знаю, не знаю... – задумалась заведующая, но, глянув на свой стол, быстро сменила тему. – А скажите, сколько времени понадобится для выполнения вашей работы?

– Ну-у, – неопределённо протянул электромонтер. – Я вообще-то здесь человек новый, можно сказать ученик, но, заглянув в проектную документацию, могу предположить, что за неделю должны управиться.

– Да вы что, какую неделю?! – в этот момент в кабинет неожиданно заглянул коренастый молодой человек лет тридцати в чистеньком стильном темно-синем, будто мастер це-

ха, халате, с непослушно выбивающимся из-под такого же цвета колпачка-берета рыжим кучерявым чубом. – Месяц, не меньше! – безапелляционно заявил он.

– А вы-ы? – удивилась дама. – Кто?

– Я с Пульта, – приветливо улыбнулся коренастый. – Здравствуйте. Моя фамилия Игнатов, назначен бригадиром работ на вашем объекте.

– Добрый день, товарищ бригадир... с Пульта, – почему-то недоброжелательно нахмурилась дама. – А нельзя ли как-то ускориться с проведением работ? Я тут вашему товарищу объяснила, что работа ответственная, срочная.

– Сделаем всё возможное, – отрезал бригадир и, протянув руку ученику, представился. – Вячеслав.

– Стариков, можно просто Феликс, – сдержанно ответил тот.

– Почему, Феликс? – удивился Игнатов. – А мне сказали...

– Да-да, всё верно, Валерий Феликсович, – пояснил ученик, – так повелось ещё со школы, с момента появления в имени отчества все почему-то начинают звать меня именно по нему, а я не против, так даже удобней, короче.

– Ну, хорошо, – неопределённо улыбнулся бригадир и, бегло глянув на сумки, приташенные сюда учеником, добавил, – берите, Феликс, документацию и пошли осматривать объект.

– Понял, – снова коротко, словно привычное «есть» с едва

уловимым отчаяньем, выстрелил Стариков, отогнав от себя вновь подкатившие ненужные мысли...

А и правда эта, не покидающая его тогда мысль о том, что никто и нигде, нигде и никто... не ждет дипломированного военного специалиста со стажем руководящей деятельности, с распростертыми объятиями, к себе на работу, была совершенно непродуктивной, абсолютно лишней и даже вредной. Вот и надо ли Старикову теперь на этом судьбоносном собеседовании вспоминать, как спустя три дня от начала своей рабочей деятельности в должности ученика-монтажника его бригадир, придя с Пульта после завершения рабочего дня, чтоб, наконец, начать обучение, пораженно качал головой, глядя на выполненный им объем.

...

– Непло-охо, – протянул Игнатов, непроизвольно покручивая на пальце свой непослушный рыжий чуб, выбившийся из-под стильного синего берета мастера, – правда-правда, о-очень даже неплохо.

– Вячеслав, а не могли бы вы проверить схему подключения извещателей в шлейфы приборов? – обрадовался приходу наставника ученик, легко спрыгнув с подоконника, где на откосе окна только что завершил крепление индикаторных ламп, тем самым, ставя точку в работе, которую бригадир планировал выполнить в течение месяца. – В приборной

документации ничего толком нет на этот счет, а без вас я не решился её запускать.

– И как вам только это удалось? – не слушая его, продолжал придиричиво всматриваться в выполненный монтаж бригадир. – Ну, никак не ожидал от вас такого, честное слово!.. – наконец сдержано улыбнулся, переведя внимательный взгляд на необычного ученика. – И как вам только это удалось?

Вообще-то старший техник главного диспетчерского центра администрации Пригородного района Вячеслав Игнатов, он же по совместительству бригадир монтажной бригады оказался на редкость интересным и открытым человеком, добрым и отзывчивым наставником и... товарищем. Стариков легко подружился с ним и с удовольствием многому научился у него.

Славка увлекался всем, чем только можно было представить: радиотехникой, конструированием, изобретательством, моделированием. Даже у себя дома, в небольшой двухкомнатной квартире у первоклассницы-дочки в детской сварганил миниатюрный столик верстак, где вместе с ней постоянно что-то паял, собирал, варганил. При всем при том он много читал, везде и всюду таская с собой кипы каких-то специальных журналов, брошюр, газет, учебников, казалось, что он постоянно учится, умеет и знает буквально всё, кроме, пожалуй, спортивных игр и... самого спорта, считая это всё бесполезной тратой времени.

Если уж он брался за что-то, то делал это до крайности скрупулезно, добросовестно, доводя всё до полного совершенства, очень удивляясь и обижаясь, если кто-то другой поступает иначе

– Ну, не... знаю как, – от неожиданной похвалы Феликс даже непривычно смутился, – тут персонал просто попался с пониманием, создали условия для работы с шести утра до двадцати трех, хотя у самих рабочий день с девяти до пяти. Так что пока их не было, можно было и спокойненько погреть, посверлить и провода под потолком порастягивать.

Одним словом техник Пульта был настоящим перфекционистом и, поначалу, приняв своего ученика за банального протеже своего начальника Пульта, сухо отнёсся к идее стать наставником невзрачного молоденького паренька с внимательным и даже, пожалуй, неприятным... цепким тяжёлым взглядом.

– Да неужели вам действительно самому удалось вот так сразу разобраться во всех тонкостях проектной документации и нормах её выполнения? – искренне продолжал удивляться его наставник. – И бетонные переборки самостоятельно прошли, не обвалив штукатурку, и датчиками по всем правилам закрепили, и вообще?..

Кто знает, может из-за этого накатившего вдруг смущения или от того, что Феликс не знал, как среагирует бригадир, он не стал говорить о том, что вечерами, когда персонал покидал рабочие места, ему здесь помогал отец, выдавив что-то

невразумительное из себя в ответ.

– Ну, не совсем сразу... и самостоятельно.

Старый опытный корабельный механик-электрик, ныне пенсионер, достаточно быстро и доходчиво показал сыну, дипломированному инженеру, как и что нужно делать с электроинструментом, проводами, схемами. Всё остальное оказалось делом техники – терпение и труд всё перетрут! – точнее желания, которого у Старикова было хоть отбавляй. Он должен был доказать им всем и прежде всего себе, что всё-таки что-то его диплом инженера-электротехника и четыре года прошедшей службы на кораблях, да значат, стоят. Даже попадание в шальную электрическую жилу в стене, о которой предупреждал его и отец, и директор кооператива, трянувшую его в первый день под потолком, скинув с трехметровой стремянки, не остудили тогда его пыла. Стариков, как и прежде, на флоте, продолжил идти выбранным правильным курсом, руководствуясь принятыми когда-то простыми житейскими принципами, услышанных когда-то на своём совсем ещё небольшом пути: «Глаза боятся, а руки делают»; «Под лежащий камень вода не течет»; «Кто хочет, тот ищет способы, а кто не хочет, – причины».

А он хотел, очень хотел найти способы занять своё новое место в строю!

– Молодец, – не слушая бормотание напарника, наконец уверенно заключил Вячеслав и, широко расставив многократно побитые молотком и обожжённые паяльником пальцы,

протянул свою огромную ладонь, – всё правильно смонтировал и подключил, – и, пожав крепко руку, добавил, – и давай на «ты», что мы действительно, словно не коллеги.

Полученная премиальная выплата за досрочно сданный объект, поделенная ими честно за труд и наставничество пополам, – пуско-наладочные работы смонтированного комплекса сигнализации Славка провел ударными темпами за сутки! – оказалась как никогда кстати обоим. Запасы денег, накопленные молодой семьей Старикова за годы службы, уже подошли к концу. А у Славки сбылась, наконец, мечта по покупке компактного сварочного аппарата у кого-то с рук, о котором тот так долго мечтал.

После этого они быстро сдружились.

Славка показал новому товарищу своё рабочее место на центральной автоматизированной телефонной станции района в огромном кроссовом зале, плотно заставленном какими-то железными ящиками, называемыми исполнительными полуккомплектами и торчащими из них в разные стороны многочисленными проводами. Побывали и в его домашней мастерской, и непосредственно в диспетчерском зале Пульта, также плотно напичканного грудой незнакомого оборудования, за которой с серьёзными лицами, закопавшись в куче документации и телефонных коммутаторах, сидели десятки операторов-телефонистов. Феликс жадно впитывал новые знания, свалившиеся вдруг на него через своего нового наставника, с удовольствием вникал в его хобби и увлече-

ния, втягивался в его мысли и рассуждения о происходящем вокруг них событиях, названных кем-то красивым словом «Перестройка». Со своей стороны Славка тоже с большим интересом подолгу слушал рваные сумбурные, но неизменно весёлые «...морские небылицы» Старикова, а заодно и его отношение к происходящим вокруг них крутым переменам.

Одним словом, у них оказалось много общего. Иногда они так увлекались беседой или спорами, что не сразу замечали, как, завершив работу на новом объекте Феликса, вместе шли уже к Славке на Пульт выполнять какие-то его неотложные дела, устранять неполадки, что-то конструировать, придумывать.

Так бывший флотский отставник быстро вписался в коллектив техников и инженеров главного диспетчерского центра анализа и контроля при администрации Пригородного района, называемого всеми просто Пультом, где его стали узнавать, пропуская внутрь всех режимных помещений, словно своего сотрудника. Там он перезнакомился и со многими главными диспетчерами Центра, будущими своими предполагаемыми коллегами. Довольно-таки быстро освоил их непростой и малоизвестный широкому кругу населения труд по руководству всей этой технической и людской армадой, безотлучно в течение суток, находясь за коммутаторами управления и ведя нескончаемые переговоры со службами жизнеобеспечения района, распутывая сложные клубки событий в единую логическую цепочку. Это дело в сравнении с

железками и проводами, так поглощающими Славку с головой, Феликсу нравилось куда как больше. Пункт управления старшего диспетчера чем-то напомнил ему ходовой мостик корабля, навевая приятные воспоминания и надувая паруса надежды на перспективу найти в нём свою новую профессию, дело, место в строю.

Как-то так само по себе вышло, что после пары совместно выполненных объектов-халтур, Славка наотрез отказался и дальше оставаться бригадиром в их тандеме, сославшись на огромную занятость на Пульте и готовность работать лишь в свободное от него время, настояв при этом перед директором кооператива о передаче своих полномочий своему бывшему ученику. Стариков, несмотря на то, что становиться бригадиром, то есть ответственным за работу других, в деле, которое он сам лишь осваивал, никак не входило в его планы, всё-таки не стал отказываться от этого неожиданно предложенного предложения. За годы службы он привык принимать самостоятельные решения, невзирая на сложные обстоятельства, взяв всю ответственность на себя, и двигаться сквозь них дальше к намеченной цели. А спустя пару недель после этого события, он также не стал отказываться и от двух новых учеников, также направленных для трудоустройства начальником Пульта в кооператив к нему в бригаду на первичное обучение.

А ребята, надо сказать, попались нормальные: вполне трудолюбивые, отзывчивые, а главное – весёлые, с чувством

юмора и каждый со своей историей, хотя и очень разные.

– Матюша, ну, откуда, скажи, у тебя руки только растут? – незлобно шутил он как-то над одним из них, вчерашним выпускником местной мореходки. – Ну, кто тебя так держать дрель учил? Ты же сейчас все руки себе переломал, не говоря уже про свёрла.

– Не по-ра-ню, – пыхтел от натуги Серёжка Матюхин в ответ, – я уже вторую дырку ковыряю и ничего... жив пока и сверло тоже.

– Во-первых, не дырку, а отверстие, – усмехался беззлобно в усы наставник, – а, во-вторых, с такими скоростями мы и за месяц этот объект не сдадим.

– Ничего-ничего, я уже до конца смены с этим аппаратом как-нибудь справлюсь, – продолжал упрячиться молодой тучный паренёк лет двадцати, не больше, явно впервые взявший в руки дрель, отвертку и молоток.

– Да ты слушай, что тебе бригадир говорит, – включался в такие минуты Виктор Песков второй, прибывший вместе с ним, опытный, лет сорока ученик-стажёр, также ожидающий своей вакансии на расширяющемся Пульте, – прекращай мучить наши уши, иди лучше оклейку на окнах лаком прокрась.

– Ни-ни-ни, мне красить нельзя, у меня аллергия на химию, я лучше у вас на подхвате постою, стремянку подержу, – капризничал молодой под их общий хохот.

Между тем, в результате стараний Феликса и Славки их

бригада день ото дня наращивала выработку и уже на второй месяц совместной работы впервые выполнила двойную норму, в результате чего по заработной плате на зависть многим, даже «погонного договорника» и молодого мастера участка, обогнала всех в кооперативе. К тому ж, находясь на объекте, они, как правило, никогда не отказывали персоналу в выполнении разного рода хозяйственных и прочих мелких работ: замена электропроводки, плафонов, розеток, что оставляло о них хорошее впечатление и добрую память.

В общем, их бригада мало-помалу приобрела немалую популярность в районе, у них появилось даже некоторое влияние, так называемые связи, которые открывали им потайные двери практически на все объекты, где они успели отметиться. А это, оказалось, очень даже немало! Всё, абсолютно всё к тому времени в магазинах начало продаваться исключительно по карточкам, либо по коммерческой цене существенно превышающей государственную. Но для того чтобы купить нужные товары по выданным талонам, нужно было их ещё найти, а затем отстоять немалые очереди, размещающие всё и вся в магазинах. Новый статус в этом вопросе существенно сэкономил их рабочее время и нервы, позволяя приобретать их вне очереди.

– Иди-ка лучше перекури, работничек, – безнадежно махнул тогда на Серёжку рукой Песков, неожиданно беззлобно добавив, – и кем только тебя Евдонин к себе назначать собрался, у тебя ж одни проблемы, всё-то тебе нельзя или не

может.

– Так ведь я ж не в инженеры-техники к нему прошусь, – отшутился парнишка, – а на должность сменного диспетчера.

– И кто ж тебя только надоумил?

– Кто-кто? – забавно пожал плечами. – Матушка надоумила, она на Пульте уже четверть века работает, с самого, можно сказать, начала, её все знают, даже из Главка, бывает, звонят, интересуются её мнением.

– Ох, и послал же Бог напарничка? – по-отечески безобидно рассмеялся в ответ на это Песков.

– Какого ещё напарничка? – удивился Матоха.

– Да какого-какого, тебя, естественно, какого ж ещё? – парировал бывалый. – Ты же, я так понимаю, на одну из двух ожидаемых вакансий ответственного диспетчера готовят.

– Угу, – кивнул тот. – И что?

– Вот и меня из администрации в связи с прошедшим сокращением штата туда же переводят.

– Так ты что... действующий сотрудник, что ли? – удивился Феликс.

– Теперь уже не совсем, – кивнул Виктор, – сейчас за штатом, жду назначения, вот и отправили пока к тебе в бригаду на получение новой квалификации.

– Понятно, – едва заметно блеснув глазами, разочаровано выдохнул Стариков.

Такого оборота событий он никак не ожидал. Выходило,

что обещанная ему перспективная должность управленца в главном диспетчерском центре анализа и контроля администрации района в ближайшее время ему не светит.

– А вакансий, говоришь, ожидается только две, – переспросил на всякий случай.

– Насколько мне известно, дежурных диспетчеров только две, – не обратив на состояние бригадира внимания, деловито отрезал Песков.

– Плюс ещё четыре оператора-телефониста и дежурного техника, – весело бросил паренёк, отправившись по научению напарника перекурить во двор объекта...

Какой смысл, да и какими словами вообще можно рассказать этому приветливому сотруднику-куратору Главка их филиала при администрации Пригородного района о том своём первом и, наверно, самом глубоком удивлении изменчивостью возникающей здесь, в их учреждении, конъюнктуры, а главное её скрытостью... от его сотрудников. За почти одиннадцать лет его флотской службы в прошлой жизни с ним такого ни разу не случилось. Там всё было просто и ясно, иногда, правда, до безобразия грубо и безжалостно, но прямо и открыто в лоб: если что-то пошло не так, не по плану, то об этом личный состав всегда незамедлительно ставился в известность.

Помнится, даже разговоры на встречах курсах со старшим помощником начальника штаба на аварийной швартов-

ке к подводной лодке, а после и с замполитом при постановке запального шнура в кипящем море во время учений, остались сугубо между ними и не вылились в какие-либо оргвыводы и дисциплинарные разборки. Напротив, откровенность и прямота в море, шла только на пользу делу и взаимоотношением экипажа.

Там по-другому нельзя.

А тут?

Тут всё живёт совершенно по другим непонятным нормальному человеку законам.

И вот теперь, тут, этот необычный внимательный сотрудник-куратор Главка своим лёгким замечанием, сделанным на ходу разговора – мол, он, Стариков, вроде как, сразу нашёл своё новое место в строю в их учреждении – привёл его в некоторое замешательство.

– Точнее будет сказать, почти сразу... – задумчиво глядя на него, наконец, выдыхает стажер-кандидат на должность старшего диспетчера Пульта Пригородного района, – нашёл своё место, вот только занять его пока ещё никак не получается. Но работа электромонтером, – вдруг весело загораются его серые доброжелательные глаза, – оказалась крайне полезной и познавательной.

– Да-а, жизнь – хороший учитель, – улыбается в ответ главковский, – дорого правда просит за науку, зато быстро учит. Вы согласны со мной?

...В этот момент Феликсу почему-то вдруг вспомнилось, как Павел Сергеевич при назначении его на должность техником Пульта направил его на согласование к строгому и малообщительному заместителю руководителя их филиала по обеспечению и снабжению Власову Ивану Викторовичу, который на тот момент курировал все работы по развитию Центра анализа и контроля.

– Что-то я не пойму вас Валерий Феликсович, – с ходу заявил тогда незнакомец-тыловик. – Отчего так многие в нашей администрации хлопочут о вашем назначении на эту, по сути, никчемную должность техника, словно б это какое-то особо перспективное место. Других-то желающих, насколько мне известно, на горизонте пока не наблюдается. Или, может, я что-то не знаю? У вас же, кажется, высшее образование?

– Так точно, – привычно коротко отвечал тогда Феликс.

– Так, поясните же мне, в чём тут дело, зачем вам всё это?

– Понимаете, – вздохнул недавний отставник, в очередной раз и сам, удивляясь ситуации, в какую он попал, – У меня, конечно, есть и образование, и некоторый опыт работы, службы на флоте, но это всё оказывается совершенно бесполезным здесь, на гражданке. Поэтому, чтобы поступить на одну из планируемых к открытию должностей старшего дежурного диспетчера на вашем Пульте приходится начинать с самого начала, наработать соответствующий опыт, знания

и умения.

– Хорошо, – неопределенно кивнул снабженец, – это понятно, но зачем вам для этого непременно нужно становиться техником главного Пульта района?

– Начальник Пульта... Павел Сергеевич, с ним меня познакомил мой товарищ детства, рекомендовал, прежде чем выдвигаться на управленца нужно поработать электромонтером, что б всё, так сказать, освоить изнутри, с самых азов...

– Неплохо, – снова кивнул Власов, – но вы ведь сейчас и так, кажется, работаете электромонтером-монтажником в кооперативе, что-то уже освоили, добились, как мне сказали, стали даже бригадиром, ударником труда, да и вполне известной личностью для нашего небольшого городка.

– Так точно, – с жаром выдохнул Стариков, не понимая, хвалит ли его кадровик или ругает, – но, видите ли, в кооперативе я не могу осваивать работу самого Пульта, влиять на неё, ускорять процесс расширения охвата им территории, а, следовательно, и ввод новых должностей госслужащих, куда мне хотелось бы поступить в конечном итоге.

– Ну, что ж, может быть.

– К тому же, – продолжил отставник, – и у вас в администрации появится возможность поближе узнать мои деловые качества, понять, подхожу ли я вам в качестве управленца.

– Может быть, может быть, – неторопливо повторил Власов, прикидывая что-то в уме. – А вы в курсе, что на те две планируемых к вводу вакансии управленцев, как вы их на-

зываете, у меня получается три кандидата?

– Так точно, – осунулся флотский. – Я с ними уже познакомился.

– Вот как?

– Конечно!.. Они ж оба у меня в бригаде теперь стажируются.

– Вот это да!.. – ехидно усмехнулся тыловик. – Ай, да Едо-нев, вот учудил: всех претендентов в одну банку собрал, да ещё под руководство самого малоперспективного.

– Малоперспективного? – вскинул брови Стариков.

– Да это я так! – беспечно махнул рукой снабженец. – Время само покажет «ху из ху», но вы правильно сказали: что б узнать ваши деловые качества, нам с вами есть смысл поработать вместе до принятия, так сказать, окончательного решения. Но у меня к вам, точнее ко всей вашей бригаде одно условие.

– Какое?

– После назначения на Пульт никаких халтур...

– Есть, – не задумываясь, выстрелил отставник.

– Нигде!

– Согласен.

– Точ-не-е, – протянул, внимательно глядя в глаза, – без моего разрешения... никаких халтур.

– Как скажите.

– И потом, чур, не жаловаться, – прищурившись, погрозил пальцем, – мол, у электромонтера на пульте мизерная

зарплата.

– Понятно, – с ходу, не моргнув глазом, ответил Стариков. – Ни каких жалоб!

– Вот и хорошо, – облегчённо выдохнул Власов. – Ну, а с вашими назначениями на руководящие должности что-нибудь придумаем, когда время придет, – и, наконец, улыбнувшись, добавил скороговоркой, – а там «...либо ишак, либо падишах...».

После назначения электромонтёром Пульта хлопот у Феликса в отличие от заработной платы заметно прибавилось. На устранение разного рода неполадок на Пульте и освоение нового оборудования на телефонной станции двадцать третьего квартала уходило не только рабочее, но практически и всё свободное время даже в выходные дни. Подрабатывать где-либо ещё, а уж тем более размышлять о том, зачем кадровику понадобилась их бригада, было совершенно некогда, да и неинтересно. Работа техника главного диспетчерского центра анализа и контроля крупного района города в целом ему нравилась. Здесь каждый день происходило много увлекательных событий, новых встреч с интересными людьми, большие и маленькие свершения, победы, приближающие день ввода на обновлённый Пульт дополнительных должностей. Любые отвлечения от этой работы вызывали теперь в нём бурю противоречивых эмоций. Но – что делать? – знакомый, кстати, вопрос – нужно соблюдать данные договорённости, вот и приходилось возвращаться в бригаду

и заниматься несвойственной работой: то электропроводку в городской поликлинике поправлять, то трубы отопления в мясной лавке менять, то электроплиты в пищеблоке диспансера монтировать.

– Кстати, Стариков, – спросил как-то Власов, увидев его вместе с Игнатовым ударными темпами распаивающего гребёнки нового оборудования, поступившего из Главка в кроссовый зал новой телефонной станции, – как там у вас со сроками сдачи работ в коммерческом магазине у вокзала?

– Не знаю, – удивился тот, – нам казалось, что скорейший ввод нового оборудования в эксплуатацию куда как важнее какого-то «комка».

– Ну, это-то, конечно, так... важнее, – неохотно кивнул Власов, – да только оно-то, это ваше оборудование, как раз никуда не денется, вы и так его с опережением графика монтируете. А вот директор новой очень перспективной для администрации района торговой точки волнуется, переживает, рассматривает другие варианты открытия своего магазина, совсем даже необязательно на нашей территории.

– Да куда он денется, Иван Викторович, – не скрывая досады, парировал ему тогда увлеченный работой Игнатов, – в воскресенье, когда станцию закроют на выходной, мы с Феликсом всё там, у него и доделаем.

– Вы что с ума сошли до выходных тянуть? – не выдержав, вскипел руководитель службы обеспечения их филиала. – Я коммерсантам давно всё завершить обещал, уж и дивиденды

за оперативность снял, да и с вас, кстати, по ноль пять с носа в счет будущей оплаты за эту «халтуру» попрошу до завтра притащить, мне позарез нужно с базы расходный материал выбить.

– Какой ещё расходный материал?.. У нас же и так всё под завязку получено.

– Какой-какой?.. – прищурившись, усмехнулся. – Это не для вас! И вообще, много будете знать, рано состаритесь, – строго добавил, – делайте, что говорю, не рассуждайте.

– Есть, – сухо безэмоционально выдохнул в ответ Стариков, неохотно отложив паяльник и отправившись собирать монтажный инструмент в свой походный чемоданчик...

Эх, ему ли не соглашаться с тем, что жизнь и есть наш главный учитель и наставник, который, пусть дорого берёт, но быстро учит?..

Ненужно изобретать велосипед, всё гениальное предельно просто и понятно, и, что очень обидно, оно давно известно и сказано до нас! А раз так, то не надо тратить время на поиск какого-то там мудрёного смысла в окружающих тебя непонятных процессах и событиях, нужно просто жить... в них, для чего, не останавливаясь, «...делать, что можешь, с тем, что имеешь, там, где ты есть».

Да, Стариков давно понял это – «...под лежащий камень портвейн не течёт!..» – задолго до того, как впервые прочитал ту известную формулу Теодора Рузвельта у одного из

своих любимых современных философов. Для того чтобы дойти до своей цели нужно просто идти – «...путь осилит идущий!» – идти и идти, несмотря ни на что, ни на какие препятствия и трудности!

Помнится, когда-то давно, ещё в Нахимовском училище на уроках ныне несуществующего предмета Обществоведения он впервые прочитал три удивительных закона диалектики: «...перехода количества в качество», «отрицания отрицания» и «единства и борьбы противоположностей». Из-за их невероятной очевидности – с ними, как говорится, не поспоришь! – именно тогда он впервые осознал, что абсолютно все физико-материалистические и социально-духовные явления на Земле-матушке, так или иначе, заключены именно в них. Постоянно меняющая вокруг нас материя – «сила действия равна силе противодействия» – и... наше сознание в ней – «как аукнется, так и откликнется» – в неизменном единстве своём, строго следуя тем простым правилам диалектики – «единства и борьбы противоположностей» – и есть наша жизнь, в которой нужно... просто жить, не останавливаясь ни на минуту.

– Согласен, – кивает стажёр-кандидат в ответ на вопрос куратора Главка, – жизнь – отличный учитель, да к тому же и ещё справедливый.

– Справедливый? – удивляется тот.

– Ну, конечно, – поясняет Стариков, – иногда диву даёшься, понимая, правда, часто задним числом, какие несметные

возможности она дарит нам, стоит лишь потрудиться заметить и принять их на своём пути.

– Вот, как?

– Да-да, вот, к примеру, прежде чем попасть сюда, к вам, на это собеседование, мне всего-то за полтора удалось столько всего попробовать и узнать в нашем деле, что теперь есть реальная возможность не просто рассказать о тех или иных своих достижениях, но кое-что предложить, как говорится, с земли.

– Это вы о чём?

– Понимаете, этой весной, когда на нашем Пульте вдруг разом заболели все сменные дежурные диспетчера, мне в течение месяца пришлось, что называется, в авральном боевом режиме без реального опыта работы подежурить на Пульте в их должности.

– Это интересно, – живо и, кажется, с неподдельным любопытством, откликается сотрудник головного офиса. – И как вам показалась эта работа?

– В целом понравилось, впечатления... удивительные.

– И что же в ночном бдении среди громады металла и кучи не выспавшихся людей может быть удивительного? – округляет глаза главковский.

...В общем, Стариков, перейдя сразу к своим нечаянным самостоятельным и, честно говоря, неправильным – так нельзя! – но так сложились обстоятельства, дежурствам в

центре управления и контроля целого района большого города, не стал рассказывать, как они тогда со Славкой вдвоём смонтировали пультовое оборудование на телефонной станции. Вообще-то, эту работу должна была выполнять целая бригада монтажников из Главка, да её, как обычно, кто-то перехватил по пути следования к дальнему Пригородному району на более важные, неотложные дела, а может, кто знает, и перекупил у их предприимчивого снабженца за какой-нибудь очередной нужный бартер.

Бывший отставник не стал вспоминать и то, как после ввода, их с Игнатовым стараниями, нужных вакансий в их филиал учреждения, Власов таки завизировал его заявление о допуске к самостоятельной стажировке по должности старшего дежурного диспетчера района, тем самым, дав ход и его документам на рассмотрение его кандидатуры запасным кандидатом.

Незачем было рассказывать и то, как и сколько он бегал по всякого рода клеркам и конторам всех мастей и разрядов, бесчисленное количество раз оформляя и переоформляя всевозможные справки, анкеты, характеристики, ходатайства, проходя нескончаемые психологические тесты, собеседования, согласования.

А ещё и вспоминать: как и на что ушли у него ещё почти полгода при прохождении трехуровневой медицинской, а впоследствии и военно-врачебной комиссии, словно собирались его отправить куда-нибудь в космос – на Марс или

Луну. Как, а главное, зачем он ещё три месяца мучительно ожидал своих коллег-учеников из монтажной бригады, оказавшихся вдруг в одночасье его конкурентами на те, введённые благодаря и его ударному труду, вакансии, пока они закончат свой марафон по формированию личных дел будущих управленцев.

Не стал Феликс рассказывать и то, почему теперь именно он, а не они, его ученики, оказался здесь, в Главке, в качестве запасного, а не основного, кандидата на случай, если кого-то из тех двоих, основных претендентов, вдруг забракуют по тем или иным обстоятельствам...

– Ну, как же? – вспыхивает стажёр. – Во-первых, как вы выразились, эта груда металла – живая, словно дизеля на «Антилопе».

– Какой ещё... «Антилопе»?

– Ну-у... – немного тушуетя, – на корабле, то есть. Мой тральщик в шутку так называли моряки за его отменные ходовые качества.

– Ясно.

– Так вот, – продолжает, – каждая ячейка на пультах наблюдения, если прислушаться, имеет свой собственный тембр звука и частоту моргания лампочки, словно живым человеческим языком рассказывают о многом: то ли предупреждает о происшествии на объекте, то ли об аварии на линии связи, то ли о своей собственной неисправности...

– Это вы точно подметили, – увлеченно перебивает куратор, – но это не так-то просто, здесь нужен серьезный опыт, знания, а главное... равнодушное отношение к делу, желание.

– Без желания в любом деле нечего дело, – кивает кандидат.

– Вот именно, – с жаром ставит точку главковский. – Ну, а что, во-вторых? – круто меняет направление разговора.

– Во-вторых? – теряется Стариков.

– Ну, во-первых, были живыми пульта, словно дизелями на Антилопе, – смеётся хозяин кабинета. – Какое было второе впечатление?

– А второе – улыбается гость, – картотека.

– Картотека?..

– Ну, конечно, картотека, – поясняет, – данных подключённых к пультам объектов наблюдения.

– Интересно, – вскидывает брови ответственный сотрудник. – А что с ней не так?

– Да всё не так, – с жаром выдыхает стажёр, – просто её там практически нет, а ведь именно с неё в случае возникновения нештатной ситуации и должна начинаться работа ответственного дежурного.

– Интересно-интересно, – снова удивляется управленец. – А с чего конкретно, по-вашему, при поступлении сигналов должна начинаться его работа?..

– Как с чего? – в свою очередь искренне удивляется и Ста-

риков. – С оценки обстановки.

– Оценки обстановки?

– Ну, конечно! – увлекшись, давит бывший командир корабля. – Это же основа основ при выполнении любой мало-мальски серьёзной задачи. На Пульте всё как на корабле, в реальной боевой обстановке в море: прежде чем приступить к выполнению поставленной задачи командир должен чётко определить своё местоположение, направление ветра, уровень волнения, глубину моря, наличие и готовность имеемого для её выполнения сил и средств...

– Понятно, – с неподдельным интересом смотрит опытный руководитель. – Ну, а причём тут картотека?

– Чтобы правильно оценить обстановку и дать распоряжения соответствующим службам нужна схема объекта, размещение на нём оборудования, план подъезда к нему, характер и особенности производственного цикла, наличие персонала и его количество, график их работы, наличие и состав дежурной службы, по которым...

– Можно диагностировать место и объём аварии, а также пути оптимального её устранения, – увлеченно заканчивает мысль молодого стажёра опытный куратор Главка.

– Точно, так! – радуется тот.

– Ну-у, Валерий Феликсович, это вы, пожалуй, несколько загнули...

– Можно просто Феликс, – возбужденно по инерции выдыхает Стариков, – меня после нескольких выговариваний

отчества, все так зовут.

– Видишь ли, просто Феликс, – не заметно, переходит на дружеское «ты» наставник, – срабатывание тех или иных сигнализаторов на объекте это зачастую всего лишь сбои и погрешности в длинной цепи линий передач информации.

– Согласен.

– Увы, техника – это только техника, она никогда не бывает совершенной.

– Это правда!

– И, знаешь, – продолжает, – погрешностей в её работе ещё так много, что, если дежурный специалист начнёт ещё и анализировать их, то, боюсь, собственно на реагирование у него попросту не останется времени...

– Вот именно, – горячо подхватывает отставник, – У него и нет его вовсе уже сейчас, в настоящее время. Но, если он будет иметь под рукой готовую им же и сформированную базу данных контролируемого с Пульта оборудования, то он без труда сможет, правильно оценив обстановку, по степени важности перераспределить порядок выезда служб и бригад района на эти сбои. Многие сигналы он диагностирует и отработает с помощью операторов-телефонистов и дежурных служб объектов без дополнительного привлечения аварийных сил и средств.

– И что это даст?

– Прежде всего, экономию времени отвлечения старшего диспетчера района на контроль над этими объектами, а за-

одно соответствующего ресурса мобильных бригад.

– Ну, хорошо, Феликс, а как ты предлагаешь формировать эту картотеку, откуда брать необходимые сведения.

– Мне кажется, – поясняет Стариков, – первичные сведения об объектах имеются в актах комиссионного обследования и заключённых с ними договорах городскими организациями жизнеобеспечения.

– Возможно и так, – горячится главковский, – но вся эта документация хранится в их договорных делах под семью печатями и замками в спец частях.

– Значит нужно сделать из них выписку, создав некую специальную карточку объекта для диспетчерского центра наблюдения и контроля администрации района.

– А это не регламентировано действующей нормативной документацией, – задумчиво тянет привычное.

– Но ведь и не запрещено!

– Не запрещено, – приязненно улыбается. – Да толку в том, Феликс, всё равно никакого не будет! Ответственный дежурный диспетчер – это, как правило, обычный управленец, менеджер, способный лишь направить аварийную бригаду в заданный адрес, но разобраться в работе объектовых приборов контроля, да ещё и дистанционно, он совершенно не способен.

– Это верно, – задумавшись, кивает кандидат на должность, – без непосредственного его участия в обследовании объекта, а ещё лучше регламентных работах приборов, либо

их монтажа, ничего не получится.

– Вот-вот, – давит куратор, – а на такие обследования у наших дежурных ни времени, ни знаний, ни нужного образования просто нет, поэтому в настоящее время принимается решение дополнительно на все наши Центры-Пульты ввести по одной должности технического специалиста для выполнения всех этих несвойственных диспетчерам функций.

– Всё это конечно хорошо, – задумывается Стариков, – но в ночные часы и выходные дни эти технические специалисты в помещении наших Центров будут отсутствовать, а значит и помощь от них для дежурных диспетчерских служб во время, когда, как правило, случаются все нештатные происшествия в районах, будет, мягко говоря, невелика.

– И что ты предлагаешь?

– А что тут можно предложить, кроме как обучить всем техническим премудростям непосредственно самих наших старших дежурных диспетчеров.

– Неплохо б, конечно, было, да как это сделать?

– Мне кажется, – горячится стажёр, – можно попробовать вместо этих дополнительных технических должностей ввести на Пульт ещё одну внештатную должность старшего дежурного диспетчера.

– Зачем это?

– Затем, чтоб в график суточных дежурств наших сменных старших ответственных по району ввести дополнительный восьмичасовой рабочий.

– И что это им даст?

– А это даст им возможность один раз в неделю вместо просиживания в аппаратной на Пульте потратить полный рабочий день исключительно на знакомство с объектами и его персоналом, расположенными на подведомственной территории районов.

– И что из этого получится?

– А то и получится: наши ответственные дежурные сами своими руками составят себе картотеку, а заодно и диагностике работы с объектовыми приборами обучатся прямо, так сказать, на земле, в живом общении с клиентом.

– Что ж, в этом, пожалуй, что-то есть, – улыбаясь, качает головой куратор. – А не хотелось бы вам, товарищ Стариков, – снова переходит на «вы», – поработать у нас здесь, в главном офисе нашего учреждения?

– В штабе? – округляет глаза стажёр.

– Ну, пусть будет в штабе, – смеётся опытный руководитель. – Знаете, у вас есть свежий взгляд на организацию работы нашей службы и мне кажется, что ваше место именно здесь, у нас в аппарате управления, а не... на «земле».

– Ну-у, не знаю, – смутившись, тянет Стариков, – что б управлять нужно многое знать и понимать, а я пока лишь без году неделя техник в небольшом периферийном районе.

– Вот и хорошо, – смеётся главковский, хлопнув его по плечу и снова доверительно перейдя на «ты», – не Боги горшки обжигают, Феликс, не Боги, в процессе работы сам

во всём разберёшься и всё узнаешь, ведь, как известно «... путь осилит идущий!...».

– Это-то конечно так, – задумчиво и в то же время радостно, попав в свою стихию, выдыхает флотский отставник. – А вы знаете, мне как-то сразу показалось, что ваше, – осёкся, – ну, то есть, наше учреждение... в городских административных структурах управления не совсем обычное.

– Не совсем?

– Да! – оно словно военно-морской флот внутри армейских ведомств и подразделений, есть в нем что-то такое особенное.

– Особенное?

– Ну-у, по-ни-ма-е-те, – тянет Стариков, – в любых крупных государственных управленческих структурах, как и в армии, имеется свой строго определённый регламент, говоря по-армейски, устав действий и команд на все случаи жизни, которому слепо следуют все их сотрудники.

– А на флоте, да и у нас, в конторе, разве не так? – усмехается умудрённый опытом руководитель.

– Так-то оно, конечно, так, – неохотно соглашается стажёр, – но, если вдуматься и присмотреться, то и не совсем так: на флоте стоит лишь кораблям выйти в самостоятельное плавание в море...

– А что в море?..

– А в море по палубе строевым шагом не ходят, – нахмурившись, с жаром выдыхает офицер запаса.

– Что-что?.. Почему?

– Потому, что, – продолжает, цитируя хорошо усвоенные им когда-то давно, в юности строки, — «...командир корабля должен управлять кораблем смело, энергично и решительно, без боязни ответственности за рискованный маневр, диктуемой обстановкой...».

– Интересно.

– И, – продолжает, – «...в случаях, не предусмотренных уставами и приказами, командир корабля, сообразуясь с обстоятельствами, поступает по своему усмотрению, соблюдая интересы и достоинства...».

– Государства? – с удивлением не столько спрашивает, сколько утверждает, подсказывая, хозяин кабинета.

– Так точно!

– Что это? – блестят его глаза.

– Это строки Корабельного устава, действующие, кстати, до сих пор с Петровских времен.

– Сильно! – выдыхает потрясенный куратор. – И ты знаешь, мне, кажется, я понял, о чем ты говоришь. Сегодня, в эпоху глобальных и, я бы сказал, катастрофических для всех нас перемен, после снятия нашего учреждения с бюджетного довольствия и перевода его на самоокупаемость, оно, словно огромный крейсер, попавший в бурю диких рыночных отношений, продолжает оставаться одним из главных островком правопорядка в нашем городе.

– Точно, так! – радуется кандидат на должность.

– При всём, при том, делая это совершенно бесплатно для бюджетов всех уровней.

– Вот-вот...

– Значит и мы должны – как ты там сказал? – «...сообщаясь с обстоятельствами...», соблюдая интересы и достоинства государства «...принять по своей инициативе и на свою ответственность самостоятельное решение, ведущее к достижению общей цели». Признаться, я давно задумываюсь над тем, чтобы наша неприметная, по сути, просто костыльно-сторожевая служба контроля и наблюдения, стала действительно настоящим оплотом правопорядка и безопасности в городе во времена великих перемен в стране, проще говоря, безграничного бардака.

– Ну-у, – ошеломлённо тянет Феликс, – мне, кажется, что я не совсем это имел в виду, но, мне почему-то хочется согласиться с вами, и сказать, что готов подписаться под каждым этим словом.

– Что ж, вот и ладушки, – улыбается ответственный куратор, – добро пожаловать бывший командир корабля Феликс Стариков к нам в аппарат, – протягивает руку. – И, если честно, вообще-то я ещё вчера согласовал ваши бумаги к назначению на одну из должностей у нас в отделение централизованного наблюдения, теперь вам осталось лишь оценить обстановку и...

– Дать свой положительный ответ, – крепко жмёт протянутую ему руку бывший флотоводец.

Нужно ли вообще всё это кому-то, да и ему самому, но-воиспечённому сотруднику головного офиса крупного, если не сказать, на тот момент крупнейшего государственного учреждения целого федерального региона, даже двух, вспоминать всё это сейчас столько лет спустя?..

Стариков не знает этого теперь, не знал и тогда, но после круто изменившего его судьбу собеседования что-то подсказывало ему, что время прямых или, как он привык считать, однозначно правильных ответов на все возникающие на жизненном пути вызовы и вопросы, даже, если «...правду говорить легко и приятно», безвозвратно ушло.

Увы, дальше в его жизни уже не будет однозначно верных или неверных решений. Корабельный устав, возводящий командира корабля в критической ситуации в ИСТИНУ последней инстанции, здесь, на чужой ему территории, увы, просто не действует. Здесь требуется нечто принципиально иное, новое, и это ни добро и ни зло – это просто обычная мирная человеческая жизнь, Жизнь! А значит, и нет смысла горячиться по каждому поводу своего внутреннего несогласия с ситуацией, сжигать за собой мосты, ввязываясь, как бывало прежде на флоте, в бой за правое, как кажется в данную минуту, дело. Кто-то, устами баронессы Мюнхгаузен, не без основания заметил, что «...правда – это всего лишь то, что сейчас принято называть правдой». Впрочем, честно говоря, несмотря на это последнее, то есть, не ввязываться в бой, как покажет практика, ему вряд ли удастся освоить да-

же спустя много десятилетий от тех непростых «окаянных дней» девяностых.

Обо всём этом Стариков и поныне, став уже одним из руководящих сотрудников аппарата учреждения, продолжает вести нескончаемые разговоры с поразившим его когда-то удивительным куратором Главка их района, вышедшим теперь на пенсию, при личных встречах.

Но это уже точно другое повествование!

Тут Феликсу осталось лишь поставить жирную точку или, говоря флотским языком, взять в покидаемом им филиале учреждения дембельский аккорд, что он и сделает вместе со своими товарищами по прекратившей после прошедшего собеседования в Главке существовать их знаменитой бригаде монтажников.

...

– Ну, что ж, господа... товарищи руководители, поздравляю вас с назначениями, – первым берёт слово болезненно худой невысокий мужчина, держа в руке огромную походную железную кружку, с плюхнутым на скорую руку в неё на дно молдавским бренди «Стругураш». – Это невероятно, но сегодня у нас тройной повод: вы все с честью прошли экзамен Главка и в ближайший четверг попадете в приказ на назначение. Я очень рад, что мы не ошиблись в вас, хотя, честно говоря, и не ожидали такого невероятного результата.

– Спасибо вам, Виктор Макарович, – выступает вперед

Песков, самый опытный из трех недавних стажеров-кандидатов на две вакантные должности старших диспетчеров Центра анализа и контроля при администрации Пригородного района города. – Признаться, мы тоже... очень переживали по этому поводу, ожидая, что кого-то из нас троих обязательно должны забраковать.

– Но... хорошо то, что хорошо заканчивается, – подхватывает эстафету второй, точнее третий стажёр-кандидат Стариков, – и в связи с этим предлагаю первый наш бокал поднять за нашего мудрого директора филиала, поверившего в нас всех и не побоявшегося направить в Главк покорять Эверест.

– Виктору Макаровичу, два коротких... один протяжный, – командует подстать директору невысокий начальник Центра, чаще называемые Пультом, Едонец, – ура, ура, ура-а-а!.. – тут же подхватывает десяток мужских голосов.

Кружки сдвинуты к центру круга, уютно расположившегося на краю широкого некогда колхозного поля, растянувшегося на многие-многие километры вдоль пригородного железнодорожного полотна.

– Нет, нет и нет!.. – одним глотком осушив свой импровизированный бокал, нарочито строго хмурит брови руководитель. – Ты, Стариков, прекращай сбивать нам ход торжественного собрания...

– Прошу прощения, – весело, чуть-чуть пригубив содержимое своей чаши, тут же отзывается тот.

Здесь, в высокой траве в сторонке от случайных взглядов в метрах ста от оживлённой платформы пригородной электрички, с которой они практически все по окончании рабочего дня разъезжаются в разные стороны по домам, нет-нет, да собираются многие корпоративные кружки местных учреждений, предприятий и организаций.

– Говоря честно, – добродушно расплывается в улыбке начальник, откровенно смакуя обжигающую жидкость, мягко растекающуюся у него внутри, – это была не моя идея, послать вас всех на собеседование в один день, так сказать, на удачу: кого выберут?

– Вот как? – вскидывает брови коренастый, слегка покрасневшийся на солнце, его заместитель по обеспечению и снабжению, проще – тылу, Иван Викторович Власов, встав по правую от него руку.

Партийные и комсомольские собрания в последнее время с приходом нового перестроечного ветра перемен как-то потеряли свою актуальность, превратившись в простую никому не нужную профанацию. Но поговорить, как и прежде, по душам, по честному, в лицо друг другу любому коллективу, а уж тем более мужскому, всегда нужно. А повод для этого теплым июльским вечером в конце трудовой недели, чтобы в узком кругу заинтересованных лиц не просто отметить важное событие, но и расставить, так сказать, все точки над «и», всегда найдётся.

Особенно, если есть повод.

– Моя-я! – добродушно тянет с другой стороны руководителя невысокий, как и начальник, с несколько отрешённым от происходящего взглядом Едонец. – Как можно было из них выбирать? Они все достойны, я каждому из них давал своё поручительство.

– То есть, ты-ы... это сам, – саркастически тянет зам по тылу, – самостоятельно, ни с кем не посоветовавшись, подобрал себе сотрудников исключительно из числа персонала службы, задействованного, кстати, не только в работе твоего Центра? Так может ты, Павел Сергеевич, и снабжением самостоятельно займёшься, а то без бригады монтажников, которую ты к себе в управленцы перевёл, как к этому вопросу теперь подступаться, ума не приложу.

– Почему самостоятельно, – удивлённо жмёт плечами Едонец, – насколько я помню, мы с вами, Иван Викторович, все кандидатуры подробно обсудили, согласовали и даже за вашей подписью ходатайства к назначению в кадры Главка направляли.

– Ну-у, когда это было, ты ж тогда не говорил, что...

– А то, что из наших работников набираю сотрудников, – разгорячившись, перебивает тыловику, – так это исключительно только в качестве продвижения по службе. А из кого я, по-вашему, на эти ответственные должности выбирать должен? Сами ж знаете какая обстановка сейчас в районе: что не ночь, то пять-шесть аварий, десяток нештатных ситуаций, под сотню различных происшествий на улицах и объ-

ектах случается. Времена ныне непростые, тревожные. Тут нужны проверенные кадры!

– Да какая там обстановка?.. – капризно вскидывается Власов. – Я вас умоляю, Павел Сергеевич, нормальная обстановка, обычная. А что касается ответственных должностей, то и тут не вижу ничего в них уж такого необычного: получил сигнал оповещения и тут же передал его куда следует. И что тут такого?.. А вот бригады нештатных работников мы с вами уже лишились, и решать оперативно вопросы по монтажу аппаратуры важным людям для получения нужного бартера теперь нечем.

– Так... всё! – прекращает самопроизвольно открывшиеся прения директор. – Мы здесь не для того собрались, чтоб ваши препирательства выслушивать. И вообще, набирать кандидатов, не дождавшись ввода должностей, оформляя их временно в кооператив монтажниками, я приказал, и, как вижу, правильно сделал: они не только опыт получили, но и, как я погляжу, даже некоторую популярность. Или у вас, господа товарищи руководители, – нарочито сердито смотрит на своего заместителя и начальника Пульта, – есть особое мнение, на сей счет?

– Никак нет, господин директор, – хором, смешно для данной ситуации встав на военный манер по стойке смирно, дружно выдыхают по пояс раздетые Иван Викторович с одной стороны и Павел Сергеевич с другой.

– Это же я так... – ехидно поглядывая на Едонева, скри-

пит тыловик, – пошутил.

– А я так... и понял, – прищурившись, из-за спины директора парирует тот.

– То-то! – удовлетворённо поднимает палец, разгоряченный выпитым, мудрый руководитель.

– Вот только, Виктор Макарыч, – невинно жмёт плечами Власов, – как мы из них троих при наличии-то только двух вакантных должностей выбирать станем, ума не приложу? Как не крути, но кого-то одного всё-таки придётся оставить на прежней должности, так сказать, в оперативном резерве...

– Да-а, – озадачено чешет лоб директор, – придётся как-то решать, – смотрит с надеждой на начальника Пульта.

– Ничего страшного, Виктор Макарович, – тут же включается Едонец. – Тут главное, что наш Главк никого из наших кандидатов не забраковал, а значит это теперь и их головная боль тоже, ведь готовые к назначению документы действительны в течение полугода, а значит, за это время они нам что-нибудь обязательно подбросят.

– Ну, это-то ещё бабушка надвое сказала, – веселится Власов. – А выбирать нужно уже завтра, – и бросив быстрый взгляд на бывшего бригадира монтажников Старикова, добавляет, – у меня, кстати, поэтому поводу есть хорошее предложение.

– Так... всё! Хватит, говорю, уже сегодня об этом, – отрезает директор. – Выбирать будем завтра, а сейчас к делу, – и,

переведя взгляд на самого опытного из кандидатов, добавляет, – надеюсь у всех налито?

– Так точно, – уверенно рапортует Песков, – как полагаются до самых краев.

– Ну-у, тогда... к повестке дня!

– Есть, – приняв подобие строевой стойки, сообразуясь с местом проведения торжественного собрания и форме, соответствующей жаркой погоде, громко рапортует бывший временный монтажник кооператива, а до этого сокращённый опытный чиновник администрации. – Разрешите представиться?

– Представляйтесь, – с чувством выдыхает тот.

– Уважаемые участники торжественного собрания руководителей филиала учреждения по Пригородному району, – подобострастно продолжает бывший чиновник, – старший ответственный дежурный Центра анализа и контроля Песков, представляюсь по случаю назначения меня на должность, – и залпом осушает налитую до краев кружку с крепким почти сорокаградусным напитком.

– Виктору Пескову, нашему новому старшему диспетчеру Пульта, ура! – торжественно командует капитан Едонев.

– Ура, ура, ура-а-а, – подхватывают все и выпивают глоток из своих огромных железных бокалов.

– Господин директор, – тут же не делая паузы, приняв подобие строевой стойки, подхватывает, как и было заранее договорено среди вчерашних стажеров-кандидатов, эстафетно

ту принимает Матоха, второй ученик Старикова из их знаменитой монтажной бригады Кооператива. – Разрешите представиться?

– Представляйтесь, – повернув потяжелевшее лицо, с чувством выдыхает главный среди собравшихся.

– Уважаемые участники торжественного собрания руководителей филиала учреждения по Пригородному району, – сильно смущаясь, рапортует вчерашний выпускник мореходки, – старший ответственный дежурный Центра анализа и контроля Матюхин, представляюсь по случаю назначения меня на должность, – и залпом осушает налитую до краев кружку со сладкой клюквенной наливкой домашнего приготовления, предусмотрительно принесенную им для себя.

– Сергею Матюхину, нашему новому старшему диспетчеру Пульта, ура! – торжественно командует капитан Едонец.

– Ура, ура, ура-а-а, – снова подхватывают все, и снова выпивают по глотку из своих железных бокалов.

– Господин директор, – тут же не давая опомниться, завершает торжественную церемонию Стариков, теперь уже точно бывший их бригадир Кооператива и одновременно техник Пульта филиала учреждения. – Разрешите представиться?

– Пред-став-ляй-тесь, – по слогам, заплетающимся языком, выдыхает тот.

– Уважаемые участники торжественного собрания руководителей филиала учреждения по Пригородному району, –

привычно рапортует вчерашний командир корабля. – Старший лейтенант запаса Стариков, представляюсь по случаю назначения меня на должность, – делает короткую паузу, собираясь с духом, – инспектора технической службы аппарата и одновременно куратора от руководящего состава учреждения филиала Пригородного района.

У торжественного собрания, точнее у его уважаемых участников, возникает некоторое несвойственное моменту... замешательство: директор, с трудом фокусируя взгляд на Феликсе, быстро приходит в себя в себя; Власов безэмоционально столбенеет; Едонев удовлетворённо кивает; остальные присутствующие с любопытством и некоторой опаской, как заведённые, водят взглядом с директора на Старикова и... обратно.

– Новому куратору Главка нашего филиала.... ура! – наконец громко и отчётливо выдыхает директор, чуть пригубив остаток манящей жидкости.

– Ура, ура, ура-а-а, – дружно подхватывают все, не моргнув глазом, и также скромно отпивают из своих кружек.

– Ну, вот, Виктор Макарович! – первым оживает Павел Сергеевич. – Я же говорил, всё само по себе и разрешилось... с назначениями.

– Так точно, – радуется опытный Песков.

– Сюрприз-из, – по-мальчишески открыто весело хохочет, слегка захмелевший от своей наливки, Матоха, смешно растягивая пухлые губы.

– Сюрприз?! – то ли спрашивая, то ли утверждая, сдержанно выдыхает Власов. – Чего радуетесь-то, все? Теперь Стариков всех нас с пристрастием на профпригодность проверит, зная все тонкости района.

– Ну, и пусть себе проверяет, – широко и, похоже, искренне улыбается протрезвевший директор. – Нам скрывать нечего. Да к тому ж, не от всяких там кремлёвских мечтателей, а от нашего же брата с земли. Вот пусть теперь и помогает родному коллективу, как истинный выходец из него.

– Да уж, – кусает губы Иван Викторович.

– Поздравляю тебя, Феликс, поздравляю, – протягивает руку Виктор Макарович. – Очень рад за тебя, очень, – притягивает к себе, обнимает. – Высокого полёта, тебе, парень, или как том у вас на флоте говорят...

– Семь футов под килем! – улыбаясь, подсказывает Евдошин, вслед за начальником пожимая руку своему недавнему протеже. – Не забывай о нас.

– Не забуду, – немного растерянно улыбается в ответ Стариков. – Никогда не забуду, – крепко жмёт протянутые руки всем остальным...

Надо ли это всё вспоминать ему теперь... спустя столько лет?

Стариков не знает, но слово, данное своим товарищам-коллегам на краю заброшенного капустного поля у старой железнодорожной станции, сдержит: ничего и никого не

забудет, как может, до сих пор помогая родному... филиалу.

Конец рабочего дня, недели, пятница.

Середина июля.

Начало девяностых.

25.11.2019-2023г.